

Глава 4

ИЗ СИНТАКСИСА

§ 4.1. В сфере синтаксиса др.-новг. диалект лишь незначительно отличался от наддиалектного древнерусского. Поэтому попытка построить самостоятельное полное описание др.-новг. синтаксиса не имела бы смысла. Фактически в настоящей главе речь идет о том, какие аспекты древнерусского синтаксиса выявились более полно благодаря материалу берестяных грамот.

Синтаксические отличия берестяных грамот от традиционных др.-р. источников определяются в первую очередь не их диалектной принадлежностью, а их большей близостью к живой разговорной речи. Поскольку в сфере синтаксиса влияние книжной нормы обычно бывает довольно сильным, показания берестяных грамот (почти свободных от этого влияния) оказываются очень ценными: они помогают выявить, какие элементы синтаксиса традиционных др.-р. источников основаны непосредственно на живой речи.

Ниже рассматривается серия частных синтаксических сюжетов, отнюдь не покрывающих, разумеется, всей синтаксической проблематики.

В одних случаях мы ограничиваемся указанием того, как отразилось в материале берестяных грамот некоторое синтаксическое явление, достаточно известное из исторической грамматики и/или диалектологии, например, конструкция типа *вода тити*, двойной винительный, беспредложный локатив, согласование типа *поѣдутъ дружина* и т. п. Комментарии в этих случаях минимальны. Данные берестяных грамот важны здесь прежде всего как свидетельство существования самого явления в живой речи определенного века или веков. Нередко они помогают также понять, было ли в живой речи соответствующее явление нормой или исключением (из традиционных источников ответ на такой вопрос как правило получить нельзя).

В других случаях материал берестяных грамот позволяет выявить не замеченные ранее синтаксические закономерности (например, правила расположения клитик) или уточнить уже известные правила (например, о повторении предлогов). В этих случаях проблема рассматривается более подробно и на более широком материале.

Выбор обсуждаемых синтаксических тем до некоторой степени определялся также практическими соображениями: мы стремились так или иначе коснуться тех явлений, без знания которых возникают трудности и недоразумения в интерпретации текста берестяных грамот.

В последующем разборе нам в некоторых случаях потребуется рабочий термин «первичное предложение». Под этим термином понимается в нормальном случае простое предложение — выступающее самостоятельно или в качестве члена сложного предложения. Кроме того, первичным предложением считается также сложное предложение, где придаточное вклинено внутрь главного.

ИЗ СИНТАКСИСА ИМЕН

Вопросы употребления падежей

§ 4.2. Берестяные грамоты содержат ценный материал по давно привлекающей внимание историков языка и диалектологов конструкции типа *вода тити* (см., в частности, Борковский, Кузнецов 1963, § 308). При инфинитиве, выступающем в качестве сказуемого, название объекта ставилось в др.-новг. диалекте в И. падеже. И. падеж отличался от В. в ед. числе женского рода, первоначально также в ед. и множ. числах мужского рода. К сожалению, показательного материала по мужскому роду пока еще очень мало; почти весь имеющийся материал фактически относится к ед. числу женского рода.

По крайней мере в отношении имен женского рода данное правило было, как можно предполагать, вполне регулярным. В берестяных грамотах в этом случае отмечен только И. падеж: *въ волости твоєї толико вода тити в городищаньх* Ст. Р. 10 (XII₂), *а больши ти протера гоши(ти)* 155 (XII₂), *тѣбѣ рѣже свѣа снати* 142 (нач. XIV), *а грамота взать* 578 (XIV₂), *да цо бѣ ти година ѿт[ѣ]правитъ о тѣцу* 19 (XV₁); заметим, что во всех этих примерах существительное стоит перед инфинитивом.

Для конструкции с зависимым инфинитивом имеется только пример с В. падежом: *а ты ко мни нѣ авишиса коуни шити ношо* 490 (сер. XIV; *ношо* — приложение к *коуни*). В *се доконьцаху Мысловѣ дѣтѣ ... давати оуповѣ б коробеи рѣси да коробѣа пшеници* 136 (XIV) И. падеж *коробѣа* скорее всего следует объяснять как “именительный присоединения” (§ 4.3).

С другой стороны, имеется один пример, где И. падеж выступает не при инфинитиве, а при императиве: *цо прилбца ѿ тебе ондрѣкѣа, прилбца даі ондрѣю* 383 (XIV₂). Нормой для берестяных грамот в этом случае является В. падеж: *въдаи вѣкъшу, присѣли ми гривъну* и т. п.

Имеющиеся в материале берестяных грамот примеры со словами мужского рода двусмысленны. Во фразе *а мнѣ наклады твоѣ дати* 142 (непосредственно после фразы *тѣбѣ рѣже свѣа снати*, см. выше) *наклады твоѣ* — это по форме В. падеж, но в XIV в. И. мн. муж. и В. мн. муж. уже заведомо могли смешиваться. Возможно, сюда же относится не вполне ясная фраза *на Домитрѣ възати доложикѣ* 202 (XIII₁), где сомнительна словоформа *доложикѣ* (“должки?”); во всяком случае, представленное здесь окончание *-ѣ* могло выступать как в В. мн., так и в И. мн.

Примеров, где в данной синтаксической позиции (а именно, при независимом инфинитиве) выступала бы словоформа ед. числа мужского рода, в берестяных грамотах нет. Можно указать лишь следующий важный пример из ГВНП (№ 93, список XV–XVI вв. с грамоты 1460 г.): *А хто изымаеть осетрѣ* (В. ед.), *ино судиямѣ полови-на. А осетре* (И. ед.) *имѣ имати по старинѣ*. Он служит свидетельством, к сожалению, пока единичным, того, что конструкция типа *вода тити* не была ограничена словами женского рода.

Приведенные выше примеры из грамот № 155 и Ст. Р. 10 — самые ранние фиксации конструкции типа *вода тити* в подлинных документах. Несомненно, однако, что сама конструкция сложилась много раньше. Так, в “Вопрошании Кирикове”, написанном в 1130–1156 гг., отразились уже достаточно устойчивые правила употребления И. и В. падежей при инфинитиве (роль последующих переписчиков в данном случае не могла быть решающей: как показывает сличение разных списков, эти переписчики иногда устраняли новгородизмы Кирика, заменяя их нормативными формами, но не наоборот). Так, при полностью независимом инфинитиве и инфинитиве

нитиве с *достойть*, *льзѣ* Кирик использует И. падеж объекта почти последовательно (а может быть, и совсем последовательно, если отнести единичные отклонения за счет переписчиков), например: *дора ѡсти* (ст. 45, 67, Саввино 4), *дати опитемьѡ за то* (Саввино 24), *како държати имь опитемьѡ* (Ильино 8), *и молитва раздрѣшьная дати ѡмоу* (Ильино 11), *а опитемьѡ прияти противоу силѣ* (Ильино 15), *достойть ли рѣзати въ недѣлю скоть ... или птица* (ст. 11), *достойть ли попоу своки женѣ молитва творити всакая* (ст. 19) и др. С другой стороны, при инфинитиве, зависящем от *хотѣти*, *велѣти* и т. п., Кирик употребляет В. падеж, например: *коли хотаже молитву творити болному* (ст. 44), *аже велить блюсти недѣлю и соуботоу* (ст. 73), *и повелѣ дати опитемью* (Ильино 24) и др.

В. И. Борковский высказал предположение о том, что конструкция типа *вода пити* является по происхождению новгородской (см. Борковский, Кузнецов 1963: 421–422, там же ссылки на более ранние работы). Но, как известно, она широко представлена также в смоленских и полоцких документах, начиная с самых ранних. Рассматривать этот факт как результат новгородского влияния нет специальных оснований. Возможно, перед нами древняя синтаксическая особенность кривичского ареала.

§ 4.3. Среди особых употреблений И. падежа следует отметить также так наз. “именительный присоединения” и “именительный перечисления”, часто встречающиеся как в берестяных, так и в пергаменных грамотах. Первый выступает обычно с союзом *да*, присоединяющим к уже названным предметам (или предмету) еще один, рассматриваемый как нечто дополнительное, не основное; например: *Онтане послале Овдохиму два клеца да шука* 169 (XIV/XV); *а даль на томь сели ... двѣнаццать сороковѣ бѣль да шуба пополонка* (ГВНП, № 199, XV). Синтагмы *да шука*, *да шуба пополонка* обладают здесь некоторой степенью самостоятельности по отношению к глаголам (*послале*, *даль*), приближающей их по значению к отдельным предложениям (‘а еще — шука’), чем и определяется появление И. падежа вместо В.

“Именительный перечисления” может выступать вместо В. падежа в составе перечней, например: *всало горончаро 2 сорока куницю, кобылу, 3 кожси, шапка, сани, хомуты* 445 (XIV); *то ти есмь дале Савѣ: 5 кднь, въже трѣкъвице, льзѣци 2, ножса 2, брѣсе, ...* 384 (XII); *положиле Грициѣшика с Костою а во тоболахо: а Гришки кожюхе, свита, сороцица, шапка, а Костина свита, сороцица, ...* 141 (XIII). Особенно нагляден первый пример, где И. падеж *шапка* стоит в том же ряду, что заведомые В. падежи *куницю*, *кобылу*. Во втором примере у всех членов списка В. = И., кроме *брѣсе* (И. падеж). В третьем примере перечисление с самого начала идет в И. падеже.

“Именительный присоединения” и “именительный перечисления” появляется особенно легко в тех случаях, когда у предшествующего члена списка В. падеж совпадает с И.; ср. приведенные выше примеры.

Сходные синтаксические эффекты наблюдаются также в долговых списках, которые обычно представляют собой цепочки предикативных синтагм типа ‘у X-а столько-то’ или ‘за X-ом столько-то’. Здесь тоже вместо этих более эксплицитных моделей может выступать И. падеж: ‘X — столько-то’. Например, после ряда записей по модели ‘у X-а столько-то’ может идти запись по модели ‘X — столько-то’, ср. Ст. Р. 21а (одна из двух возможных интерпретаций, см. Б 35). В грамотах 161, Ст. Р. 22, где тоже смешаны типы записей, модель ‘X — столько-то’ даже начинает список.

§ 4.4. В берестяных грамотах встретились примеры конструкции с двойным винительным: *а ныне слышу болену сестроу* 'а теперь я слышу, что сестра больна' 705 (нач. XIII), *се еси поале исполовницоу мою телицоу* 'вот ты взял мою телку в качестве исполовницы' 112 (то же время), *рекль кси былъ во своємъ селѣ верши всѣ добры* 'ты говорил, что в твоём селе хлеба все хороши' 195 (нач. XIV). Эти примеры ценны как свидетельство существования такой конструкции не только в книжных текстах (ср. летописные фразы вроде *слышавше идуча Изаслава Андрѣевича съ силою многою ростовскою* — Ипат. [1161], л. 182), но и в живой речи.

§ 4.5. Р. падеж принадлежности (genetivus possessivus) представлен в берестяных грамотах лишь в весьма ограниченной степени. Нормой здесь, как и во всех древних славянских языках, является использование не Р. падежа, а притяжательного прилагательного, например, *кѣнажъ моужъ* 109, *лодиа ... кыанина* 745, *Кѣснатина грамота* 397, *рожъ Петровоу* 196, *посадничѣ люди* 698, *с Василевы рыбы* 169 и т. п. Вопрос о выражении принадлежности в берестяных грамотах подробно рассмотрен в Изуч. яз., § 57–59; поэтому здесь мы ограничимся лишь кратким пересказом.

Первоначально Р. падеж принадлежности мог выступать лишь в качестве вынужденной замены для притяжательного прилагательного — либо потому, что такое прилагательное в данном случае в языке отсутствовало, либо потому, что нужно было избежать нагромождения притяжательных прилагательных.

По первой причине Р. падеж принадлежности был актуален для субстантивированных прилагательных (*тысачьскыи*, *дѣтьскыи* и т. п.; сюда же отчества [поздние фамилии] типа *Петровъ*, *Ильинъ*) и для большинства местоимений (например, *онъ*, *она*, *они*, *тотъ*, *которыи*), см. § 5.1. Кроме того, только Р. падеж (но не прилагательное) мог показать, что обладателей много, например: *оу Прикоуповичъ двора* 'у двора Прикоуповичей' (Синод. НПЛ [1255]) — такая же конструкция, как, скажем, *з Бабинихъ (села 'с села Бабиных' 1* (XIV/XV).

По второй причине Р. падеж принадлежности мог использоваться там, где наименование обладателя представляло собой словосочетание, например, *потъ Иванъ*, *Фома Ивановичъ*, *свѣтаа Богородица*. В этом случае в принципе были возможны три основных типа притяжательной конструкции: 1) все члены словосочетания заменяются соответствующими притяжательными прилагательными; 2) один член словосочетания заменяется притяжательным прилагательным, а другой (или другие) ставится в Р. падеже; 3) все словосочетание ставится в Р. падеже.

Тип 1 представлен, в частности, в древнейшей надписи *мечни[ч]ъ Лазорево мѣхо* (XI, см. А 26); в берестяных грамотах — в *Кѣванове попове* 319 (нач. XIV; ярлычок) и, возможно, еще в *сино Микитино Лашенестинково* 126 (XIV/XV).

Тип 2 представлен, например, в *дѣвьри т[и е]к ... земля Павѣлова* 'земля ее деверя Павла' 227 (XII₂), *Вороньца Вѣкѣвъ* '[вещь] Воронца Войка' 332 (XII/XIII), *Василевѣ Софонтьѣва* '[люди] Василя Софонтьева' 169 (XIV/XV).

Тип 3 представлен, например, в *на (с)[т]арои межѣ Юриа княза* 286 (сер. XIV), *стѣе Варѣварь тѣлица* 'телка [монастыря] святой Варвары' 657 (XII₂), *молитвами свѣтыа Богородица* 715 (XIII).

Особая конструкция, близкая к типу 2 — *оу Коузмичъ оу Онисимова 2 гривнѣ* 'у детей Кузьмы Онисимова две гривны' 138 (нач. XIV). Исходное сочетание здесь — *Кузьма Онисимовъ*. Особенность состоит здесь в том, что *Кузьма* преобразуется не в *Кузьминъ* (как было бы в типе 2), а в существительное *Кузьмичъ*. Подробнее см. Изуч. яз., § 59 (дополнительные примеры см. также в Г 8).

Там, где указанных особых оснований для употребления Р. падежа принадлежности не было, т. е. в случае, когда наименование обладателя представляло собой одинокое существительное (не относящееся к отмеченным выше особым типам), Р. принадлежности встречается исключительно редко. Едва ли не единственный надежный пример такого рода в берестяных грамотах — *а Гришки кожюхе, свита, сорощица, шалка* 141 (XIII₂). Ранний пример *Федока лоукоше[ко]* 599 (XII₂) не вполне надежен, см. § 5.8 (о некоторых других спорных случаях см. Изуч. яз., § 57).

§ 4.6. В берестяных грамотах имеется пример употребления Р. падежа (в партиципном значении) при глаголе *быти* (в значении 'иметься') без отрицания: *ино у тебе солоду было* 363 (XIV₂). Ср. у Фенне: *iestli vtebe solonich mechov prodasnich* 'есть ли у тебя на продажу мешки для соли?' (376). В настоящее время такая конструкция (например: *Есть у нас ржи, есть и пшека; Было у меня сыновей; Бывает нечистой силы*) отмечается во многих сев.-в.-русск. говорах; самый крупный ареал этого явления охватывает ладого-тихвинскую группу, говоры Карелии и западной части Архангельской области (Рус. диал., с. 195); еще одним таким ареалом являются вологодские говоры (Образ., с. 280).

При отрицании прямое дополнение в берестяных грамотах всех периодов практически всегда стоит в Р. падеже, например: *а вуре не плати* 'а виру не плати' 115, *дате не поверже гозбе* 'чтобы не бросил торговлю' 567, *али цего еси не продало* 'если ты что-нибудь не продал' Вит. 1. Как правило то же верно и при отрицании к слову, подчиняющему глагол, например: *а мы не смиемъ иматъ ржи безъ твоего слова* 17 (более редки примеры с В. падежом, ср. *а ты ко мнь нь авишиши коуни шити ношу* 490). Соответственно, двусмысленные примеры следует толковать в пользу общего правила (см., в частности, № 3 [Д 1], обсуждение словоформы *жит[а]*).

В двух примерах встретилось колебание: *а михи и серебра не добудеть до пути* 'а если мешков и денег он не добудет до поездки' 354 (сер. XIV), *а ни посла еси цоловѣка да грамотоу* 'а ты не послал человека с грамотой' 99 (то же время). В обоих случаях ближайшее к глаголу существительное подчиняется общему правилу (т. е. стоит в Р. падеже), а более дальнее, связанное с первым сочинительной связью, — нет (т. е. стоит в В. падеже).

Особый случай составляет пример: *Ж Радатѣ не възато поль третьѣ гривнѣ* 799 (XII). Здесь перед нами не конструкция с прямым дополнением, а фраза типа *не сделано дело* (в данном случае без согласования, ср. § 4.25). Как в нынешнем языке, так и в древнем в таких фразах при отрицании перевод существительного в Р. падеж возможен, но не является автоматическим.

Особенность совсем иного рода связана со словом *ничто же*. У этого слова словоформа *ничто же* обнаруживает способность выступать, вопреки морфологической форме, в функции Р. падежа. В берестяных грамотах находим: *а не емли ничто же оу него* 109 (XI/XII), *не исправить ми ничето же* 644 (XII₁), *а мнѣ не въдасть ничто же* 9 (сер. XII) (см. также фрагмент 924, В 41); и только один раз в данной синтаксической позиции встретилась словоформа *ничего же*: *бес твоего повеления не смею возати ни[цего] же* 651 (XII/XIII; впрочем, от буквы *г* здесь сохранился только уголок, так что пример не совсем надежен).

Данная особенность словоформы *ничто же* (а также и простого *что*) хорошо известна из книжных памятников. Достаточно привести типовые примеры из Усп. сб.: *а въ келии ѿ сицевыхъ не имоуще ничто же* 49б, *ѿ нихъ же ничто же не съпо-*

вѣда ничѣто же 274а, *се бо закалаемъ ксмь не вѣмь чѣто ради* 14в (наряду с более частыми *ничѣсо же*, *чѣсо ради*). Можно предполагать, что это реликты неполной дифференцированности по падежам словоформ *чѣто* и *чѣсо* в праславянском. Берестяные грамоты дают нам ценное свидетельство того, что данная особенность существовала не только в книжном, но и в живом языке.

§ 4.7. Берестяные грамоты ранне-др.-р. периода хорошо сохраняют древнейший тип употребления М. и Д. падежей с названиями городов и некоторых других географических пунктов (сел, озер [точнее, приозерных зон]), а именно: значение пребывания внутри (например, 'в Киеве') передается беспредложным локативом, значение движения внутрь (например, 'в Киев') — беспредложным дативом.

Материал раннего периода здесь таков. М. падеж — *Серегѣри* 'на Селигере' (т. е. 'в районе Селигера'), *Добровѣнѣ* (озеро или село) 526, *Киевѣ* 915, 675, *Киеве* 524, *Пльскове* 109, *Городьцьскѣ*, *Вѣльцинѣ*, *Шидовицихъ* (2×) 789, *Ѣзьскѣ* 902, *Полотьскѣ* 803, *Переяславѣ* 105, *Озеревахъ* (село) 509, 516, *Мѣльвотицѣхъ* (2×), *Велѣ* [им] [и] [цѣ]хъ 516, *Коломене* Ст. Р. 31. Д. падеж — *Вѣльчиноу* 902, *Смольньску ли Киеву ли* 424, *Кѣ* [ѣ] [ѣ] 829, *Пльсковѣ* 776 (возможно, также *Пльсковоу* 656), *Соужѣ* [ѣ]далоу 675, *Кучькѣву* 'в Москву' 723. Все эти примеры заключены в интервале XI – 3 четв. XII в. (кроме чуть более позднего *Коломене* Ст. Р. 31 [по-видимому, посл. четв. XII в.]).

Чрезвычайно существенно то, что в берестяных грамотах этого хронологического интервала для топонимов тех же семантических и морфологических групп мы не находим параллельных примеров с употреблением предлога (типа *въ Киевѣ* и *въ Киевѣ*). Так, с предлогом *въ* в эту эпоху встретилось только *въ Роусѣ* 526 (2×), *въ Ламѣ* 789 и *въ Роусѣ* 105. Но слово *Русь*, как название страны, не входит в семантический круг топонимов, допускающих беспредложную конструкцию. Что же касается слов *Руса* и *Лама*, то здесь отразилось чисто морфологическое ограничение на описываемые беспредложные конструкции: топонимы, относящиеся к ед. числу *а*-склонения, не встречаются в указанных конструкциях вообще ни в каких др.-р. памятниках (вероятно, причиной такого ограничения является совпадение М. ед. с Д. ед.).

Что касается примеров с предлогом *на*: *на Лоугѣ*, *на Шелонѣ* 526, *на Лоукахъ* 675 (ср. также более поздний пример *на Арославли* 69 [XIII]), то они относятся уже к другой категории, поскольку предлог *на* обладает достаточно ярким собственным значением (в отличие от *въ*, значение которого довольно близко к общему значению локатива), поэтому он в нормальном случае не мог быть факультативным.

Новые конструкции появляются в берестяных грамотах лишь начиная с рубежа XII и XIII вв.: к этому периоду относятся примеры *во Соужедале* ('въ Сужьдаль') (В. ед.) 439, *во Славне* (М. ед.) 153. В грамотах XIII–XV вв. (кроме грамоты № 2) представлены только такие конструкции, например: *во Подогореи* 390, *во Торжсеку* Твер. 2, *в Острове* 416, *в Гостьмеричахъ* 492, *в Порховѣ* 540; *в Торжсокъ* 358, [о]у [Пор]ѣховѣ 266 и т. п.

Совершенно особо стоит написанная в Обонежье грамота № 2 (XIV₂), где содержится серия беспредложных локативов: *Мѣкѣкъ* (<вѣ), *Гѣгморо наволоки*, *Воликомо Островѣ* (возможно, еще *Сохѣдаль*). Поскольку ничего подобного ни в каких собственно новгородских документах XIV в. нет, эта уникальная особенность должна быть объяснена не как архаизм, а как результат влияния прибалтийско-финских языков, господствовавших в указанной зоне; подробнее см. Попр.–IX, № 2.

В вопросе о древних моделях *Кыѣвъ* и *Кыѣву* и процессе их смены новыми моделями *въ Кыѣвъ*, *въ Кыѣвъ* показания берестяных грамот имеют очень большое значение. Дело в том, что как раз в этом пункте переписчики летописей мало считались с оригиналом: они с большой легкостью заменяли *Кыѣвъ* на *въ Кыѣвъ*, а *Кыѣву* на *въ Кыѣвъ* или *къ Кыѣву* (в последнем случае даже с искажением смысла, поскольку *Кыѣву* означало 'в Киев', а *къ Кыѣву* — 'к Киеву', 'на Киев'). Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить хотя бы младший извод НПЛ со старшим. Поэтому, например, из сочетаний *в Черниговѣ*, *в Переяславѣ*, *въ Смольнскѣ* и т. п., многократно встречающихся в "Поучении" Мономаха, еще нельзя заключать, что предлог здесь принадлежит самому Мономаху. То же верно в отношении примеров типа *въ Кыѣвъ*, *въ Пльсковѣ* в ПВЛ, равно как и в более поздних частях летописи. С другой стороны, примеры типа *Смольнскѣ* или *Новѣгородѣ*, встречающиеся в договорах XIII в., в принципе могут уже и не отражать живой речи, а сохраняться в качестве элементов официальных формул. Отсюда легко понять, сколь ценно то, что берестяные грамоты — это не списки, а оригиналы, и то, что они не носят официально-го характера.

Обзор основных летописей позволяет установить, что единственный источник, приближающийся в интересующем нас отношении к берестяным грамотам, — это Синод.¹ НПЛ. Все остальные, включая Лавр., Ипат., Комисс. НПЛ, Акад. НПЛ (равно как Синод.² НПЛ), обнаруживают несравненно более высокий процент конструкций с предлогом — явный след деятельности переписчиков.

В Синод.¹ НПЛ ситуация в общих чертах такова. Для названий городов (не *а*-склонения) в М. падеже в записях до 1180 г. беспредложная модель полностью господствует (около 70 примеров): *Новѣгородѣ*, *Кыѣвъ*, *Пльсковѣ*, *Переясла(в)лю*, *Църниговѣ*, *Смольнскѣ*, *Соуждали*, *Моуромѣ*, *Вышегородѣ*. Отклоняются только: *въ Новѣгородѣ* [1052] (вероятно, *въ* принадлежит переписчику); *а Мирославоу даша посадищицаи въ Пльскове*, *а Рагоуилови въ городѣ* [1132] (возможно, *въ* перед *Пльскове* здесь под влиянием симметричного *въ городѣ*). В записях 1180–1200 гг. старая модель еще явно преобладает, но уже появляются *въ Новѣгородѣ* (4×), *въ Славнѣ*. В записях 1200–1234 гг. еще преобладают беспредложные *Новѣгородѣ* и *Кыѣвъ*, но для названий других городов уже почти всегда употребляется новая модель: *въ Пльскове*, *въ Переяслави*, *въ Църниговѣ*, *въ Смольнскѣ*, *въ Володимирѣ*, *въ Галици* и др.

Для направительного значения картина примерно такая же. В записях до 1160 г. господствует беспредложный датив: *Новоугородоу*, *Кыѣвоу*, *Переясла(в)лю*, *Църниговоу*, *Смольнскоу*, *Пльсковоу*, *Вышегородоу*, *Тъмоутороканю*, *Полотьскоу*, *Соуждалю*, *Ростовоу*, *Володимирю*, *Торопыцю* и др. Отклоняется только *въ Новѣгородѣ* [3×: 1110, 1120, 1158]. В записях 1160–1200 гг. уже многократно появляется *въ Новѣгородѣ* и один раз *въ Смольнскѣ* [1160]. После 1200 г. новая модель встречается уже чаще старой.

Для топонимов *а*-склонения (*Руса*, *Ладога* и др.) примеров беспредложного локатива или датива нет; встречаются только *въ Роусѣ*, *въ Ладозѣ*, *въ Ладогоу* и т. п.

Можно указать также один памятник другого жанра, который благодаря древности списка превосходно сохраняет первоначальное состояние рассматриваемых конструкций, — Сказание о Борисе и Глебе по Усп. сб. В этом тексте новые модели не представлены вообще. Материал здесь таков: а) *Пиньскѣ* 8г, *Новѣгородѣ* 8г, *Ростовѣ* 8г, *Моуромѣ* 8г, *Кыѣвъ* 10б, 10г, 20б, 22г, *Вышегородѣ* 16б (2×), 18г, 19в, 21б, 24б, 24г, *Смольнскѣ* 16б, *Църниговѣ* 20б, 22г, *Переяславѣ* 20б, 22г; б) *Вышегородоу* 10б, 12г, 19б, 22а, 25б, *Смольнскоу* 13б, 16б, *Берестю* 15г.

Согласные показания берестяных грамот, Синод.¹ НПЛ и Сказания о Борисе и Глебе позволяют предполагать, что в XI – I пол. XII в. у топонимов (не *a*-склонения) для выражения рассматриваемых нами значений еще последовательно употреблялись беспредложные модели (это значит, что, например, текст “Поучения” Мономаха, равно как и текст ПВЛ, в этом отношении был искажен переписчиками). Победа новых моделей, по-видимому, примерно соответствует границе ранне-др.-р. и средне-др.-р. периодов.

За рамками топонимов примеры употребления беспредложного локатива в берестяных грамотах немногочисленны. Все они относятся к раннему периоду: *кроупѣмь* ‘в мелком’, ‘в обломках (серебра)’ 526 (XI), *середѣ* 842 (XII₁), *вѣрѣ* 820 (XII₂), *томо дни* 731 (XII₂), *одиномо ти мь(сте?)* 227 (XII₂).

Некоторые конструкции с предлогами

§ 4.8. Полезно отметить некоторые не самоочевидные предложные конструкции, активно используемые в берестяных грамотах, правильное истолкование которых нередко служит ключом к пониманию трудных мест в тексте.

К числу таких конструкций относится прежде всего «*въ* + В. или М.» в значении ‘за что’, ‘из-за чего’. Подробный анализ этой конструкции с примерами из разнообразных памятников дан в Изуч. яз., § 80; здесь мы отметим лишь основные факты.

В конструкции участвуют преимущественно глаголы с общим значением ‘заплатить’ (или ‘заставить заплатить’), ‘понести (или причинить) ущерб того или иного рода’, например: *платити*, *яти*, *заняти*, *пограбити*, *вырути*, *погынуги* и т. п. Предлогом *въ* вводится указание на то, за что (или по причине чего, или в счет чего) производится выплата или причиняется ущерб. При этом встречается управление как В., так и М. падежом, иногда даже в одном и том же контексте, например, *платити въ то* и *платити въ томь* (разница значений при этом очень невелика и может даже совсем стираться).

Важнейшие примеры из берестяных грамот: *а въ томь шесть кжно присъли* ‘а за это пришли шесть кун’ 776, *а платаци в томо что про межи раду нѣту* ‘а платя из-за того, что нет договора о границах’ 131, *заато въ треть* ‘занято на условиях отдачи одной трети в качестве процентов’ 75, *а ныне ма въ томь ала княгыни* ‘а теперь меня за это схватила (арестовала) княгиня’ 109, *а хоцоу ти вырути въ та лоуцьшаго новъгороджанина* ‘я собираюсь за тебя (т. е. за твою вину) конфисковать товар у знатнейшего новгородца’ 246, *и пограбила ма въ братни долъ (-гѣ)* ‘и они (двое) пограбили меня за братний долг’ 235, *а господарь въ не тажѣ не дѣе* ‘а хозяин из-за этого тяжбы не предпринимает’ 247, *что мнѣ ни доспѣк в рублѣ томь нечи ати* ‘сколько сраму он ни заставит меня принять из-за этого рубля’ 589, *а ми есми в томь погибли* ‘а мы из-за этого погибли (погибаем)’ 370, *а въ томь есмь осталъ* ‘потому я остался’ 724. К этому же кругу значений относится пример: *али ти [не д]ѣлаета, а наеми въ на наимито* ‘если же они (родители) [уже] не могут трудиться, то найми ради них (для них) работника’ 893.

Особый частный случай рассматриваемой конструкции составляет сочетание *быти въ чемь* в значении ‘быть ответственным за что-либо’, ‘обязаться заплатить за что-либо’. Примеры из берестяных грамот: *а что даше провоза, азо во томо до Торжеку* ‘а что касается того, что ты заплатишь за провоз, то дорога до Торжка — за мой счет’ Твер. 2, *хота бы ти истерати ...*, [а]зо во томо ‘если даже тебе доведется понести убытки ..., то это будет за мной’ 489, *а заду не боиса, азъ в томь* ‘а того, что было (?), не бойся — за это отвечаю я’ 749, *самъ въ томь* ‘[я] сам за это отвечаю’ 724.

§ 4.9. Представляет интерес также конструкция «за + В. или Т.», выражающая некоторый вид владения — обычно неполный или неокончательный (В. падеж указывает здесь на передачу в такое владение, Т. — на пребывание в нем). Вариант с Т. падежом сохранился и в современном литературном языке, ср., например, *все наследство за ним, участок остался за ним, победа за нами* и т. п. Особый частный случай семантического развития данной конструкции, где на первый план выдвинулся именно семантический элемент временности владения, представляют примеры типа *за тобой сто рублей* (т. е. ты должен их вернуть), *за ним числятся две книги*.

Этот круг значений конструкции «за + Т.» хорошо известен и в др.-р. языке. Некоторые примеры из берестяных грамот: *Жизнобуде погоублене оу Сычевиць ..., а за ним[и и] з[а]дъница* 'Сычевичами убит Жизнобуд ..., а в их руках и [его] наследство' 607/562, *ѡже ми отьць дааль и роди съдали, а то за нимь* 'что мне дал отец и родичи дали впридачу, то за ним' 9; также для обозначения долга — *а за тобою 12 коунѣ робыхъ вѣ(вериць) 335* и т. п.

Но в др.-р. языке в том же кругу значений столь же свободно использовалась и конструкция «за + В.» (если речь шла о передаче во владение), например: *аже въ боярѣхъ или въ дружинѣ, то за княза задница не идетъ* (ПР, ст. 91). В современном языке такая конструкция встречается только в говорах, например: *Слѡва те Гѡсподи, дѣнь прошѡл, да за хозѣина рѣб зашѡл* (пословица — Арханг. слов., 11: 27). Особо отметим выражения *имати (възати) за са* 'взять в свое распоряжение', 'взять к себе', 'взять себе', *дати (въдати) за кого* 'отдать в чье-либо распоряжение, в чьи-либо руки'; ср., в частности: *и оубивашета многы жены и имѣнія ихъ имашета за са* (Новг. IV лет. [1071]; в Комисс. НПЛ в соответствующем месте стоит просто *взимашета собѣ*); *а то письмо, запечатавъ въ ширинку, дали за понятыхъ людей за добрыхъ за Луку Дементьева съ товарищи* (акт 1547 г., см. Слов. XI–XVII, 5: 128). В последнем примере особенно ясно виден семантический элемент временности, неокончателности владения. Эти факты позволяют точнее интерпретировать некоторые фразы из берестяных грамот. Так, (ѡ)[ъ]зми за са 293 (сер. XIII) следует понимать как 'возьми к себе', 'возьми в свое распоряжение'; ср. *а дар ко соби восми* (вм. *возми*) 59 (XIV₁), где тот же смысл выражен с помощью более новой конструкции. В № 231 (XII₂) *въдалъ за та* (вм. *та*) означает 'отдал в твое распоряжение, в твои руки'. В № 550 (XII₂) *за мьне не поустѣ* означает 'в мое ведение не передавай', 'мне не поручай'.

Рассматриваемую конструкцию содержат также те примеры, где речь идет о переходе кого-либо под покровительство и одновременно под власть другого лица (или о пребывании под таким покровительством), — обычно с выражениями *поити (перейти, прити) за кого* и *жити за кѣмь*. Так, в грамоте № 310 (XV₁) находим: *которыє хрестѣани с Ёлова пришли за тебѡ* ('перешли на жительство в твои владения'), *жили за Олексеѣ* (недописано *мь*) *за Щукою* ('жили во владениях Олексея Щуки'). Разумеется, не чем иным, как частным случаем таких оборотов являются и выражения *поити (выйти, выдати) за мужь*, *жити (быти) за мужемь*, в которых впоследствии сочетания *за мужь* и *за мужемь* потеряли внутреннюю мотивировку и превратились в простые наречия. Следом прежнего состояния является, однако, управление *за кого* у выражения *выйти (выдать) замуж* и *за кем* у выражения *быть замужемь*. В берестяных грамотах с данной тематикой связаны примеры: *за которь ма [ѡ]дасть 748* (XII₂), *пойди за мьне 377* (XIII₂).

Повторение предлога

§ 4.10. Повторение предлога внутри именной группы представляло собой в др.-р. языке автоматический синтаксический механизм, принципиально сходный с согласованием по падежу и не связанный с каким-либо подчеркиванием или эмфазой; см. об этом прежде всего Ворт 1982. В Лингв., § 62 описаны правила повторения предлога, проявляющиеся на материале берестяных грамот. Практически те же самые правила действуют и в подлинных пергаменных грамотах XIII–XV вв., собранных в ГВНП, кроме договоров с князьями (№ 1–27) и кроме начальных формул в любых документах, исходящих от представителей власти (типа *ѿ великого князя Анѿдрѣя, ѿ посадника Смена, ѿ тысяцкого Машика, ѿ всего Новагорода* [ГВНП, № 34]; см. также Д 41).

Ниже приводятся эти правила, с иллюстрациями из берестяных грамот и из ГВНП (мы в целом следуем Лингв., § 62; но большие списки примеров уже не повторяем).

При однородных членах (соединенных союзами или бессоюзно) предлог повторяется, например: *ѿ Акима и ѿ Сьмьюна* 735. Отклонения крайне редки, например: *за болшеи дворъ и за малыи селца* (ГВНП, № 122, XV₂; ср. рядом *за болшеи дворъ и за малыи селца*). В берестяных грамотах только: *поклоно ѿ Бориса к Зеновѣ и Федору* 579 (XIV₂) (не исключено, впрочем, что здесь соединились два разных управления, возможных у слова *поклонъ*: *къ кому и кому*).

Особо стоят случаи, когда однородные члены образуют устойчивое сочетание, например: *на той земли и водѣ* (ГВНП, № 302, 303), наряду с *на той земли и на водѣ* (ГВНП, № 291). Вероятно, сюда же относится *къ братъи и дрѣжине* 724 (см. Б 47).

В случае разрыва именной группы не входящими в нее словами предлог обязательно повторяется, например: *ѿ Гюрьга въз(б)ми ѿ Сьмькиниц(а)* 710.

Для обычных (не разорванных) именных групп правила таковы.

I. Группа из прилагательного (в т. ч. местоименного) и следующего за ним существительного, определяемого этим прилагательным (вместо прилагательного может выступать также несогласованное определение, т. е. имя в Р. падеже). В такой группе предлог не повторяется, например: *по первомѣ нѣти* 724, *оу моего рода* 748, *со ее знатебою* 705, *в братъи своєї мѣсто* (ГВНП, № 194 и др.). Это правило соблюдается очень четко. Отклонений ничтожно мало, и, по-видимому, все они могут рассматриваться как результат каких-то случайностей (например, контаминации разных синтаксических конструкций), см. Г 5, Д 4.

Если существительному предшествует несколько определений, то между ними (но не перед существительным!) предлог может повторяться, например: *с тою с вашею грамотою* (Д 41), также в ГВНП — *по старымъ по княжимъ грамотамъ* (№ 115), *по отца своего и по братъи своєї по купнымъ грамотамъ по дернымъ* (№ 182, 183), *за ты за вси землѣ* (№ 122). Но это не обязательно, ср. *за всѣ ты землѣ* (ГВНП, № 122), *оу того жь Жабѣ Носа, на тых жь Коневыхъ Водахъ* 249.

II. Группа из существительного (или местоимения) и следующего за ним прилагательного или существительного (которое само может иметь при себе определения).

A. Первый член группы — имя собственное или личное местоимение. В этом случае при втором члене предлог повторяется. Материал очень велик; некоторые иллюстрации: *к Юрью к Оньцифорову* 167, *оу Станьмира оу Жоуцьковица* 630, *оу Мьстока оу коузница* 630, *ѿ Дрочке ѿ папа* 87, *ж Домана ж Тоудорова изгона* 789, *на нь*

на *Ивана* 897, на *тебѧ* на *своѧго ѡсподна* 310. Пример с несогласованным определением: *оу Коузмиць оу Онисимова* 'у детей Кузьмы Онисимова' 138 (см. Г 8).

В берестяных грамотах и в очерченной выше части пергаменных грамот отклонения от этого правила очень редки (и отмечаются не ранее 2 пол. XIV в.): *ко Онисифору п[ос]ѧ[д]ѧ[ни]ку* 594 (60-е гг. XIV), *къ Василью Игнатьву* 135 (XIV/XV), *ѡ Ондрѣяна Михайлови*^ч 303 (XV₁), на *сѧа ѡво* на *Ива(н)[ка]* *д[во]рѣно*^в 496 (XV₁); в ГВНП — *с Дмитреемъ Васильевицомъ* (№ 290, сер. XV), *от Василья Степановича* (№ 278, XV₂), *у Юрья Перьхурьева сына* (№ 257, XV₂). В некоторых случаях отсутствие предлога — простая описка (см. Б 13 о двух таких случаях в небрежно написанной берестяной грамоте № 630) или иллюзия, связанная с особенностями графики (например, *у Микифора Онтонова* и *у его сына* в *Исака* [ГВНП, № 256, XV]: здесь *О-в Онтонова*, вероятно, передает [wo], т. е. в нем “скрыт” предлог ‘у’).

В отличие от этого материала, в официальных формулах неповторение предлога перед отчеством — явление вполне обычное.

Сочетания типа *Выгъ рѣка*, *Онѣго озеро* близки к сложным словам; предлог здесь обычно не повторяется: *на Выгу рѣкѣ*, *на Кѣми рѣкѣ*, *съ Онѣга озера* и т. п.

Б. Первый член группы — имя нарицательное. В этом случае повторение предлога факультативно.

1. Если второй член — существительное, отчетливо преобладает конструкция с повторением предлога (более полусотни примеров). Иллюстрации: *ко либинж ко Мостоке* 776, *ко брату к Ыгнату* 765, *к бабѣ к Марѣмъанѣ* 578, *у попа у Михаилу* 260, *ѡ твѣго ключника ѡ Вавулы* 310, *к сину к своему к Иса[ку]* Ст. Р. 2, *к ѡгнѣ моему к Фецилату* 610; из ГВНП — *при игумни при Васильи* (№ 167), *передъ судьбою передъ Кортомъ* (№ 336), *до посадника до Ивана до Даниловиця* (№ 130), *у еи мужа у Федора у Федоровичя* (№ 201), *у половника у моего у Есипѣка*, *за оцимомъ за моимъ за Сменомъ* (№ 257), *от рѣчки от Лавкоти* (№ 203).

Без повторения предлога встретились: *к ѡгидиноу посадкоу* ‘к господину посаднику’ 339, *к попу Ивану* 413, *ко брату моему Офносу* 178, *ко свату моему Максиму* 91, [кѣ] *жени свожи Ульяни* 942, *к осподину моему Фоми* 23, *к осподину своему Тимофшо* 17; в ГВНП — *съ архимандритомъ Григорьемъ* (№ 115), *з дѣдомъ с Федоромъ и з зятель Федоромъ* (№ 122), *по своемъ мужи Харитонѣ* (№ 298), *у половника у своего Есипака*, *у дяди моего Исака* (№ 257). Особо стоит ранний пример *къ братоу моему Исоухиѣ* 605 (в грамоте, где можно предполагать влияние книжной нормы).

В официальных формулах неповторение предлога в данной категории случаев встречается столь же часто, как и в предыдущем пункте, например: *ѡ посадника новгородчого Василья Микитинича* и т. п. (ср. также Д 40, статья 2 и Д 41).

2. Если второй член — притяжательное или указательное местоимение, преобладает конструкция без повторения предлога, например: *ко радости моеи* 497, *во проторѣхо своѣхъ* 366, *в рублѣ томъ* 589. Реже встречаются примеры типа: *до тела до моего и до виду до моего* 521, *а и=свиinei из моихъ* (Завещ. Клим.). См. также ряд примеров как первого, так и второго рода в предыдущем пункте.

Предлог обычно не повторяется также перед несогласованным определением: *на дочерь еи* 531, *про землю Федора Максимовичя* (ГВНП, № 122) и т. п. То же в специфической посессивной конструкции, включающей притяжательное прилагательное в паре с Р. падежом (§ 4.5); примеры из ГВНП: *от Степановы земли Федоровичя* (№ 167), *от Остафьеви земли Ивановича* (№ 177), *с Лукерьиною землю Петрови жени* (№ 175) и т. п.; также с другим порядком элементов (и с повторением предлога

только перед согласованным определением): *по купной грамоти по Васильеву отцу своего* (№ 197), *про участок дядѣ своего про Ондрѣевѣ* (№ 130). Но повторение предлога здесь всё же возможно; ср., например: *до Евсѣеву земли до Ондрикова* (№ 177), *за Ивановыми дитѣми за Овратова* (№ 200). Более сложный пример, реализующий обе возможности: *в Васильево мѣсто Агафановича в дяди своего* (№ 167).

3. Если второй член — неместоименное прилагательное (в т. ч. притяжательное), достаточно широко представлена как конструкция с повторением предлога, так и без повторения (первая встречается несколько чаще). Ср., с одной стороны, например, *къ Рагоуилови ко старьшоум[о](у)* 831, *ко посадникоу ко вьликому* 704, *в подкльть в пивномо* 411, *по рѣцьи по Голиное* 390, *про складство про первое и про заднее* (ГВНП, № 331), с другой — например, *по пѣть Рьдѣньскои* 390, *по зарубѣ Синофо(н-товѣ)* 368, *и по всѣмъ рѣкамъ морскимъ* (ГВНП, № 300).

Те же две возможности и в специфических притяжательных конструкциях; ср. в ГВНП, с одной стороны, например, *по отцеву души по Сидорову* (№ 169), *и в жєны своєи мѣсто в Федорино* (№ 201), с другой — например, *и в братѣ своєи мѣсто Иваново и Фомино* (№ 187).

За рамками всех рассмотренных категорий предлог может повторяться также в группе из двух местоимений (распределение субстантивной и адъективной функций в этих случаях не совсем четко), например, *на всемъ на томъ* (ГВНП, № 202); ср., с другой стороны, например, *за вьсь <-се> то* 366.

Как уже отмечено, в официальных формулах повторение предлога встречается значительно реже, чем требуют приведенные выше правила. Еще менее последовательна эта синтаксическая операция в новгородских летописях. Наконец, в церковно-книжных текстах она сведена к минимуму. Ясно, таким образом, что данная синтаксическая особенность расценивалась как простонародная и в книжном языке сознательно избегалась.

С течением времени даже в источниках, близких к живой речи, повторение предлога становится менее последовательным. К сожалению, для XI–XV вв. выразить этот процесс в четких статистических показателях пока что не удастся, поскольку ранее XIV в. для статистического анализа материала еще недостаточно. Следует полагать, что этот процесс протекал довольно медленно, поскольку даже в документах XVII в. механизм повторения предлога еще далеко не полностью разрушен.

Синтаксис числовых сочетаний

§ 4.11. С синтаксической точки зрения *одинъ, два, три* и *четыре* представляют собой определения к названию считаемого предмета. Само это название ставится в единственном числе при *одинъ*, двойственном при *два*, множественном при *три, четыре*.

При этом, однако, в др.-новг. диалекте с очень раннего времени действует тенденция к унификации формы существительного при числительных *два, три* и *четыре*.

Ранее всего указанный результат достигается в среднем роде: исконное именное окончание И. В. дв. сред. *-ѣ* было замещено в др.-новг. диалекте окончанием *-а* (§ 3.13, 3.45), отсюда ряд типа *два лѣта, три лѣта, четыре лѣта*.

В женском роде унификация достигается лишь в том случае, если из двух возможных окончаний И. В. мн. (*-ѣ* и *-ы*) использовать в сочетаниях с *три, четыре* только

-ѣ. Как видно из § 3.5, реальная ситуация в др.-новг. диалекте именно такова: например, *кунѣ* или *куны* (вне сочетаний с числительными), но только *три кунѣ*, *четыре кунѣ*. Таким образом, и для женского рода уже в ранне-др.-новг. период был достигнут ряд типа *дѣвѣ кунѣ*, *три кунѣ*, *четыре кунѣ*.

В мужском роде в ранне-др.-новг. период подобной унификации еще нет, ср., например, *2 бърковска* Ст. Р. 20 – *4 золотъникѣ* (И. мн.) 644. Первые проявления описываемой тенденции обнаруживаются в грамотах лишь с начала XIV в.: *по 3 рубла* 65 (нач. XIV), *ω 3 рѣбла* 144 (XIV₁); но даже и в XV в. старая система еще достаточно прочна.

Из этих фактов видно, что уже в ранне-др.-новг. период возникает особая грамматическая ситуация, состоящая в том, что набор словоформ, употребляемых с числительными *три*, *четыре*, не полностью совпадает в набором словоформ И. В. мн. Это начало того процесса, который со временем полностью оторвал в русском языке словоформы, употребляемые с *два*, *три*, *четыре*, от И. В. мн., выделив их в особую грамматическую форму (“счетную”), морфологически тесно связанную с Р. ед.

При составных числительных *одинъ на десате*, *дѣва на десате*, *три (четыре) на десате* название считаемого предмета в нормальном случае ставится в той же форме, что при соответствующих простых числительных, например: *13 коунѣ* 526 (XI), *три на десате рѣзанѣ* 84 (XII), *одиоу на десатѣ грив[ѣ]ноу* 78 (XII), *12 коунѣ* 335 (XII), *12 гривнѣ* 722 (нач. XIII), *въ 13 зрѣнѣ* 138 (XIV), *на 14 рублѣ* 249 (XIV).

Однако весьма рано появляется также и новый тип синтаксического оформления — тот же, что в современных сочетаниях *одиннадцать (двенадцать, тринадцать, четырнадцать) рублей, недель, лет*. В берестяных грамотах отмечен всего один такой пример, но очень ранний: *дове на десатъ коуно* Ст. Р. 22 (XII). О том, что это не описка, свидетельствуют аналогичные примеры из других памятников, в частности: *12 гривнѣ*, *12 моужѣ* в грамоте 1190-х гг. (список 1263 г., ГВНП, № 28); *по 12 дѣши* (Синод. НПЛ [1243]), *12 црѣкви* [1299]; *на 12 коунѣ* (Вопр. Кирик. по списку 1280-х гг., ст. 3); см. также Вайан, с. 190–191, Соболевский 1907: 206–207.

Слова *пять – десать*, в соответствии со своим первоначальным статусом счетных существительных, подчиняли себе название считаемого предмета, требуя постановки его в Р. мн.; например: *по девати резано* 437 (XII/XIII), *во [деса]ти кжно* Ст. Р. 4 (XII/XIII), *на десяти гривнѣ* 420 (XIII).

Правда, наряду с этим господствующим типом синтаксического оформления, очень рано появляются также примеры, где числовое слово и название предмета согласованы в падеже: *40ми* (т. е. *четырьми десатми*) *рѣзанами* 247 (XI), *по 6* (вероятно, = *шести*) *коунамо* 650 (XII₂). В качестве редкого варианта такая конструкция встречается уже в старославянском, например, *на трехъ сътѣхъ динарихъ* (см. Вайан, с. 189); в памятниках русского извода ср., например, *ѿ Рима доидохомъ въ Купрь 40* (т. е. *четырьми десатми*) *дѣнми* (Усп. сб., 163в), *на трѣхъ десатѣхъ сребреницѣхъ* (там же, 217а), *съ дѣвѣма десатѣма тысящима* (Мстиславово ев., 90в). Это та самая конструкция, которая победила в современном языке; участвующее в ней числовое слово уже должно быть квалифицировано как числительное, а не как счетное существительное. Таким образом, процесс перехода слов *пять – десать* к статусу числительных начался уже в ранне-др.-р. период.

Широко представлены в берестяных грамотах числовые обозначения с участием слова *поль* ‘половина’, например: *поль четвъртѣ зрѣнѣ* ‘3½ гривны’ 381, *поль пѣтѣ рѣза[нѣ]* ‘4½ резаны’ 238, *бес полуо семе коуне* ‘без 6½ кун’ 631, *поло третиа рубла*

'2½ рубля' 689, *поло третиа нацате локти* '12½ локтей' 130; также *поль I на 10 кне* '10½ кун' 609, *пль II гривень <-внѣ>* '10½ гривен' 168. По этой же модели построены *поло трътия дьсато* '25' 61, *пол[ѣ] ц[ѣ]тверь[m]a д[ес]...* '35' 710. Особо отметим слово 'полтора': И. муж. *полоутора* 138, И. жен. *полоуторе* 228 и др. (о его фонетической истории см. § 2.45).

Как можно видеть, при числовых обозначениях типа *поль третья на десате* существительное обычно стоит в Р. ед. Однако со временем появляется и новая конструкция — с Р. мн. (в силу обобщения Р. мн. на все числительные больше четырех): *поло цтеверты (!) натца гривно* '13½ гривен' 45 (XIV₁).

О числовых обозначениях типа *9 коунъ семѣѣ гривѣ* '6 гривен и 9 кун' 526 см. А 3.

Необходимо сказать также о выборе формы определения при числовых сочетаниях. При сочетаниях типа *пять* (*шесть* и т. д.) *лѣтъ* определение ставилось, в прямом соответствии с первоначальным грамматическим статусом слов *пять*, *шесть*, *семь*, *осмь*, *девять* (еще хорошо видимом, например, в *и осмь высагла* 'и восьмерка [воинов] вырвалась' 724 [XII]), в ед. числе женского рода, например: *посадницавъ 7 мѣць одиному* (Синод. НПЛ [1118]), *а изоиде та 5 лѣт*^т (ГВНП, № 152, сер. XV); также из берестяных грамот — *оу Боана възьми шестѣ <шесть> коунъ намъноюю* 509 (XII), *б билъ моа* 754 (XIV). Этот способ согласования распространился, однако, и на все прочие числовые сочетания (независимо от первоначальных синтаксических свойств соответствующих числительных), например: *въ скорѣ въ едину три дни изрядився поидоша подѣ Тфѣрь* (Акад. НПЛ [1375]), *и мы имъ велимъ взяти ту четыриста рублевъ* (ГВНП, № 53, 1414–15 гг.), *а то поиде в ту же двѣнадцать тысячи серебра* (ГВНП, № 11, 1317 г.), *дал полтора рубля новгороцкую* (АСЭИ, 2, № 316, 1556 г.); см. также другие примеры этого типа в Лингв., § 87, № 102. В берестяных грамотах представлены, в частности: *б десѣ[m](о) коуно лодиноюю* Звен. 2 (XII₁), *30 гр(и)внѣ бѣжси(ц)ькаа* 718 (XIII₁), *одину три коробѣи оув Ыванка оузале* 102 (XIV); особо отметим *поло гривнѣ новаа* 750 (XIV).

Но всё же изредка встречается и модель с множ. числом (т. е. такая же, как в современном языке): *воскоу коуплены 3 (к)ати* 439 (XII/XIII).

Вопросы употребления местоимений

§ 4.12. В ранне-др.-р. период полноударные и энклитические формы местоимений предстают в следующем виде.

У местоимений в Д. падеже синонимия энклитических (ниже указаны первыми) и полноударных вариантов выглядит так: *ми* – *мнѣ*; *ти* – *тобѣ*; *ны* – *намѣ*; *вы* – *вамѣ*; *на* – *нама*; *ва* – *вама*. У возвратного местоимения реально употребительно только полноударное *собѣ*; энклитическое *си* в живом языке осталось лишь в роли частицы.

У местоимений в В. падеже энклитиками являются *ма*, *та*, *са*, *ны*, *вы*, *на*, *ва*, также *и*, *ю*, *кѣ*, *ѣ*, *на*. В качестве полноударных вариантов здесь могут выступать словоформы, совпадающие с Р. падежом соответствующих местоимений: *мене*, *тебе*, *себе*, *насъ*, *васъ*, *наю*, *ваю*, *кѣго* (муж. и сред.), *кѣѣ*, *ихъ*.

Сферы употребления энклитических словоформ В. падежа (*ма* и т. д.) и Д. падежа (*ми* и т. д.) были несколько различны: первые могли сочетаться с предлогами, а вторые — нет. Например, в берестяных грамотах XI–XIII вв. мы находим: *на ма* 527, 235, 531, *по ма* 109, *въ та* 246, *н(а) та* 421, *за са* 293, *за вы* 503. Между тем, скажем, **къ ми* невозможно — возможно только *къ мнѣ*.

Распределение энклитических и полноударных вариантов в тексте можно несколько огрубленно описать так. В нормальном случае употребляется энклитика. Полноударный вариант выступает лишь в особых случаях, а именно:

1. В случае, когда употребление одних лишь энклитик привело бы к появлению в одной тактовой группе двух энклитик одного и того же ранга (см. § 4.27). Например, возможно *дати ми тобѣ рубль* 'я должен дать тебе рубль', но невозможно **дати ми ти рубль*.

2. В случае, когда соответствующее слово соединено сочинительной связью (союзной или бессоюзной) с каким-то другим словом. Например, возможно *даи миѣ и ѡму*, но невозможно **даи ми и ѡму*; ср. *дати не боуде присловѣа ни тобѣ ни Павѣлови* 'чтобы не было худой славы ни тебе, ни Павлу' 745 (XII₁).

3. В случае, когда соответствующее слово выделено по смыслу: противопоставлено (явно или неявно) какому-то другому слову, несет на себе эмфазу и т. п. Примеры из берестяных грамот: *а дала тобѣ, а Нѣжати не дала* 'я дала именно тебе, а не Нежате' 644 (XII₁); *а кодѣ ти миѣ хлѣбѣ, тѣ и тобѣ* 'а где мне хлеб, там и тебе' 731 (XII₂); *а нынѣ вода новую женоу, а мнѣ не вѣдасть ничѣто же* 'а теперь, женись на новой жене, мне он не дает ничего' 9 (XII₂); *а тобѣ вѣдѣ аѡ естѣ не годѣнѣ, а же бы ти годѣнѣ, то ...* 'а тебе, я вижу, не любо; если бы тебе было любо, то ...' 752 (XI/XII; показательно употребление *тобѣ* в первом случае, но *ти* во втором, когда 'тебе' переходит уже в сферу известного и теряет выделенность); *[се] мнѣ вѣ[лоца] вѣ [а]ю* 'вот за вас двоих таскают (в суд) меня' 237 (XII₂; подразумевается: 'меня, а не вас').

4. После предлогов — только для местоимений в Д. падеже (см. выше). Для местоимений в В. падеже эта позиция не входит в число особых, т. е., например, *за та* является нормой, а *за тебе* выступает только в случаях, подпадающих под пункт 3.

5. В различных, трудно поддающихся формальному определению, случаях, когда замена энклитики полноударным вариантом, позволяющим использовать вместо твердого порядка слов свободный, облегчает синтаксическое маневрирование (см. пример в Изуч. яз., § 69). В ранних берестяных грамотах к этой категории, возможно, следует отнести примеры: *а не сестра а вамо, о же тако дѣлаете* 644 (XII₁), *а Мѣстата са вама поклана* 422 (сер. XII). В обеих фразах авторы предпочли по каким-то причинам поставить слово, означающее 'вам' (или 'вам двоим'), несколько дальше от начала фразы, а это было возможно только при условии замены *вы*, *ва* на *вамѣ*, *вама*. Но, может быть, здесь уже проявилась и общая тенденция к вытеснению местоименных энклитик полноударными словоформами, которые во множественном (и, по-видимому, также в двойственном) числе была заметно сильнее, чем в единственном (ср. ниже).

В берестяных грамотах XI–XII вв. (если не считать самого конца XII в.) указанные правила соблюдаются вполне четко; ни одного бесспорного примера их нарушения еще нет. Первые такие примеры появляются с конца XII в. Таковы *боле же за мнѣ скота не поустѣ, толико миѣ емати скота* 550 (посл. четв. XII, см. Б 91), *оуже мне не ехати во Соужедале* 439 (XII/XIII). Менее однозначны примеры *и позовало мене во погосто* 531, а также *тобѣ* вместо *ти* в № 705 и 222 (см. Б 98, 100, 118).

С начала поздне-др.-р. периода указанные правила начинают довольно быстро разрушаться: полноударные варианты всё шире употребляются на месте прежних энклитик и примерно с XIV в. фактически становятся нормой для всех позиций, тогда как энклитики оттесняются на роль реликтов. Примеры нового узуса: *а азо тобе кланяюса* 147 (XIII₁; в дальнейшем эта формула становится совершенно обычной),

а поцта тобѣ буде гъже 147, *а звало ксѣмь васо в городо* 345, *что мнѣ ни доспѣк ...* 589, *аже застанеше мене, ти а тебе везу Твер. 2, что есте мнѣ велѣли ...* 697, *а еще мене зазва(ль)* 697, *илеть кѣго на воцкую землю* 534, *пособлаі мнѣ цимо* 286, *а ту мнѣ треть* 519, *что позва(ль) тебе Сава* 14 и т. п.

Скорость вытеснения энклитик полноударными вариантами у разных форм различна. Ранее всего исчезают энклитические варианты во множественном числе; в поздне-др.-р. период они в грамотах уже вообще не встречаются. Дольше всего сохраняется энклитика *ми*: в позициях, где древние правила требуют употребления энклитики, она даже и в XIV–XV вв. всё еще несколько преобладает над *мнѣ*. Вот некоторые примеры из грамот XV в.: *купи ми зѣнданцю добру* 125, *пришлите ми паробоко* 124, *зане ми зѣсе дѣль много* 43, *не рекль ми Есифъ* 3, *зѣсе ми билъ челомъ* 303 и др. В берестяных грамотах XIV–XV вв. из местоименных энклитик (не считая *са*) отмечены, помимо уже упомянутого *ми*, только *ма* (5 раз) и *ти* (2 раза); но заметно чаще в тех же позициях уже употребляются *мене* (*мена*) и *тобѣ*.

К сожалению, в поздних берестяных грамотах очень мало материала по формам В. падежа местоимений 3 лица; в частности, нет примеров для В. ед. жен.

Самый поздний в берестяных грамотах пример употребления энклитики после предлога — *[ѣ]зми за са* 293 (сер. XIII); в дальнейшем находим только *за мѣне* 377, *про себе* 344, Пск. 6, *по тебе* Твер. 2, *по васо* 345, *на васо* 317, *на мене* 25 (2×), 749, *за мене* 25, 244, *на мена* 286, 302, *за теба*, *на теба* 310, *за насъ* 540.

§ 4.13. Другой важный вопрос составляют правила употребления (или опускания) словоформ *я* (*язь*), *ты*, *мы*, *вы*. Показания берестяных грамот здесь очень существенны, поскольку живая речь в данном пункте, по-видимому, заметно отличалась от письменных норм.

Основное правило, соблюдаемое в берестяных грамотах (наиболее последовательно в ранний период, несколько менее последовательно — в поздний), состоит в следующем.

В обычном (немаркированном) случае подлежащее *я* (*ты*, *мы*, *вы*) опускается, т. е. реально отсутствует. Это одинаково верно для предложений с императивом (например, *идите*), презенсом (*молю ти са*), перфектом (*далъ ксѣмь*) или именным сказуемым (*виноватъ ксѣмь*). Для последних двух категорий отсутствие местоимения означает, что связка в нормальном случае не может быть опущена.

Примеры (из грамот разных периодов): *присъли ми гривнѣ* 664 (XII), *попытаита ми кона* 422 (XII), *купите маслеца древаного да пришлите симъ* 173 (XV); *[мо]гоу са съ тобою ати на водоу* 238 (XI/XII), *на том са шлю* 521 (XIV/XV), *аже ми са поцьньши насмихати* 752 (XI/XII), *не даи ли* 589 (XIV), *надежмса, ѡсподине, на Бога и на теба* 310 (XV), *какъ се, гѣдо, мною попецалукте и моими дѣтми* 49 (XV); *покосиле есмь пожно* 53 (XIV), *аже еси забыле моего доброделаниа* 627 (XII), *цему ма еси погубилъ* 272 (XIV), *а пришля есѣ оли звонили* 605 (XII), *[ѣ]зала еста оу неи б гривнѣ* 449 (XII), *что ксѣмо оу тебе свезли* 357 (XIV), *что есте мнѣ велѣли оу Путила конь взати* 697 (XIV); *али чимо есемо виновата* 644 (XII), *зандо ксѣмь пуста* 692 (XV), *а до можего живота посо[бъ]никъ ксѣмь тобѣ* 749 (XIV/XV), *свободне еси* 421 (XII), *приѡбижени ксѣмь с нимечкоі половинѣ* 248 (XIV), *присъ(ид)те ми грамотичу, сторови ли есте* 424 (XII).

Указанному обычному случаю противостоит серия особых случаев, где личное местоимение всё же присутствует (появление личного местоимения означает, что связка становится излишней и как правило опускается, см. § 4.19).

Личное местоимение обязательно употребляется в следующих случаях.

1. Если оно является не единственным подлежащим при данном сказуемом. Пример: *волено <нѣ> Бѣ де* (вместо *да*) *и ты* 311 (XV).

2. Если оно участвует в противопоставлении с подлежащим (или иным членом) предшествующего предложения или каким-то образом подчеркнуто (например, означает 'именно ты' и т. п.). Примеры: *ты еси мои, а ѿ твои* 605 (XII), *мене игоумене не поустиле, а ѿ прашалъса* (там же), *азъ тѣбе хоцо, а ты мене* 377 (XIII), *вы, знѣ, промежю собою исправы не учините, а мѣ (мы) промежю вами погилби* 361 (XIV/XV), *ѿ заплатилъ 20 зрѣнѣ, а ты свбо|нѣ (= свободне)* 421 (XII), *се Жадѣке пославѣ ѿбетника дова, и пограбила ма въ братни долгъ, а ѿ [не п]орѣцене Жадкѣ* 235 (XII), *не хоцеш ли — да ѿ боле не могу водат(и)* Твер. 1 (XII/XIII), *што кси ѿдода деревенеку Климецу Ѡпарину — а мы кѣго не хѣтимо* 311 (XV). Также редкий пример без союза: *чо би есте поихали во городо ... , а нашего солова не ѿставили ... , ми (мы) вашего солова вохи не ѿсотавимо* 497 (XIV). Что касается подчеркивания, то оно встречается реже и не всегда может быть надежно выявлено; пример: *ты же ма и потени* 'ты сам (именно ты) меня и убей' 531 (XII/XIII); вероятно, сюда же *то еси ты повѣдалъ къ Рожнѣтви* 'это ты сказал Рожнету' 336 (XII).

Отметим, что в случае противопоставления подлежащих местоимение может выступать не только во втором, но также и в первом предложении (см. примеры из № 605, 377, 361, 421); но это не обязательно.

3. Перед обращением (в предложениях со сказуемым 2 лица), если в этом месте по семантическим или синтаксическим правилам требуется союз (чаще всего это *а*). Примеры: *а ты, Нестере, про чицакъ пришли ко мни грамоту* 358 (XIV), *а ты, старосто, сбири* 253 (XIV), *и ты, чадо, издѣи при собѣ* 125 (XIV/XV). Аналогично с *же*: *ты же, браце господине, молови емо(у) тако* 531 (XII/XIII).

4. После союзов *и* и *ти* в значении 'то', 'тогда', 'в таком случае'. Примеры: *а не възме, и вы во стадѣ пустите* 'а если он не возьмет (коня), то вы его в стадо пустите' 142 (XIV), *а што рубль дать Игнату, и ты даи* 363 (XIV/XV), *какъ имешь продавать, и ты даи намъ ржи на полтину* 364 (XIV/XV), *что бы кси, знѣ, дале мѣсце мнѣ на дорѣ, и азъ быхъ, знѣ, собѣ избу поставиле* 610 (XIV), *аже застанеше мене, ти ѿ тѣбе везу* Твер. 2 (XIV).

Кроме того, личное местоимение факультативно употребляется в следующих случаях.

5. Вообще в первичном предложении, подлежащее которого отличается от подлежащего предыдущего первичного предложения и является темой, — даже если нет условий для действия какого-либо из предшествующих пунктов. В этом случае появлению личного местоимения благоприятствует наличие союза, особенно союза *а* в противительном значении (часто с коннотацией причинности или следствия) или просто в значении перехода к новой теме. Примеры: *а пришли и до 5ти повои, а ѿ ноугене пецалоуса цереницами* 717 (XII), *добыво серебра присоли же, а ѿзо ти на пути* 436 (XII/XIII), *оте побоуде сыно у мене, а ѿ са имо потешоу* 705 (нач. XIII), *пришли, Ѡсподине, цлвкъ с проста, а мы не смиемъ имать ржи безъ твоего слова* 17 (XV); сюда же *а ѿзо тебе кланяюса* 147 (XIII) — характерная концовка, представленная (с небольшими вариациями) в целом ряде поздних грамот. Редкий пример без союза: *а целовало кси ко мнѣ, а не прислало кси — ѿсо погилбо* 445 (XIV).

6. В начальной части длинных фраз (нередко с вклиненным придаточным и т. п.), где коммуникативная структура требует помещения сказуемого далеко от начала

фразы. Примеры: *а ты, атче еси не възалъ коунъ техъ, а не емли ничьто же оу него* 109 (XI/XII), *како ты оу мене и чьстьное дрѣво възъмъ и вевериць ми не присълещи, то деватое лето* 246 (XI), *азо тебе братоу своѣмоу приказале про себе [так]о* 344 (нач. XIV). В подобных случаях вынесенное вперед личное местоимение как бы частично предвосхищает сказуемое, показывая его лицо и число, и тем самым разгружает конструкцию.

7. При сказуемом, допускающем омонимию лиц, например: *ажь бы ты д(о)бромъ жила ...* 487 (XII), *вы ведаета* 603 (XII).

8. В плюсквамперфекте, например: *како ти было а Ивана аль* 502 (XII), *фофоуды бьль твоихъ 9 рьклъ а собѣ* 675 (XII), *азъ бьле лони наделиле* 705 (нач. XIII). Возможно, употребление местоимения вместо связки отражает в данном случае тенденцию избежать соединения двух энклитик (*жсмь бьль*) или стечения трех глагольных словоформ.

Приведенные правила в целом достаточно хорошо отражают ситуацию в берестяных грамотах. Но имеются всё же случаи, когда личное местоимение выступает там, где оно этими правилами не предусмотрено. В ранних грамотах таких случаев совсем мало, но в поздних их число возрастает.

Объяснение состоит здесь в том, что указанные правила со временем начинают уступать место новому правилу — в принципе уже сходному с тем, которое победило в современном языке. Это новое правило позволяет употреблять личное местоимение много шире, чем раньше, — в конечном счете при любом сказуемом в любом синтаксическом контексте (с вытекающими отсюда последствиями в виде опущения связок).

В первую очередь новое правило распространяется на фразы с именным сказуемым, причем особенно интенсивно — в случае, когда сказуемое выражено существительным. Примеры: *а не сестра а вамо* 644 (XII), *а звѣре* 199 (XIII), *ты моѣ братъ* 749 (XIV), *а пороуцене отецеве твоемоу по Иванака Твер. 1* (XII/XIII), *а на Арославли добръ здоровъ и с Григоремъ* 69 (XIII), *азо во пороуки за сироти* 59 (XIV).

Но действие нового правила можно предполагать также и в ряде фраз с глагольным сказуемым: *вы ведаета, оже а таже не добыле* 603 (XII₂; а, а не жсмь), *а нынѣ ты рекле* 748 (XII₂), *а оу тебе слышоу, цето ты моловише* 705 (нач. XIII), *а река тако: азо солю 4 дворано* 531 (XII/XIII). В поздне-др.-р. период таких примеров уже довольно много, в частности: *а про сеи человеко: мы кго не знаемо* Пск. 6 (XIII), *а цто будете наима, мы се ведаемо цто* Пск. 7 (XIII), *и цто надоби, вы вѣдаете* 187 (XIV), *то вѣдаю, аже ты дале серебро на собѣ ... , а иного не вѣдаю: како ли ты венцеса, како ли цто дале жси рубль на собѣ* 30 (XIV), *послале азо к тоби беросто* 27 (XIV), *купи ми зѣнданцю добру, а куны язъ дала Дѣду Прибышѣ* 125 (XIV/XV).

Разумеется, действие нового правила довольно трудно отграничить от эффекта эмфазы, которую мы не уловили, или скрытого противопоставления. Вероятность этой второй причины довольно велика, например, для фраз *а дала тобѣ* 644, *тоте а во вине* 531, *ту а стою* 69. Но ее нельзя исключить и для какой-то части примеров, приведенных выше.

Эти трудности в анализе отдельных примеров не могут, однако, заслонить общей картины, которая состоит в том, что на протяжении своей истории берестяные грамоты приближаются, хотя и довольно медленно, к современному способу употребления личных местоимений.

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ

Употребление прошедших времен

§ 4.14. Вопрос об организации и функционировании системы прошедших времен в др.-р. языке является предметом дискуссии. Наиболее сложную проблему составляет статус аориста и имперфекта. Мнения исследователей варьируют между тезисом о полном отсутствии имперфекта и аориста в живом древнерусском языке уже в XI в. (см., в частности, Успенский 1987: 144–151) до тезиса о полноценном существовании по крайней мере аориста до XIV в., а в ограниченной форме и далее (см., в частности, Лант 1989).

Материал берестяных грамот показывает, что с самого начала письменной эпохи в живой речи господствующей формой прошедшего времени был прежний перфект. Разумеется, в берестяных письмах с их прагматической направленностью преобладают такие контексты, где употребление перфекта можно было бы объяснить тем, что автора интересует прежде всего результат совершившегося действия или события, актуальный для момента речи, т.е. созданная этим событием ситуация, например: *литва вѣстала на корѣлоу* 590 (XI), *не вѣзале есмь ни вѣкъиѣ* 736б (XII), *а заплатилъ 20 грѣнѣ, а ты свбо|нь* 421 (XII), *а ми (мы) ѣсми в томъ погибли* ('разорены') 370 (XIV) и множество других. Однако легко убедиться, что перфект столь же свободно употребляется и в прочих случаях, в том числе в семантических контекстах, которые в системах, содержащих аорист, максимально благоприятствуют употреблению аориста. Таковы, прежде всего: а) контексты со словами типа 'вчера', 'в прошлом году', 'в таком-то году', 'тогда'; б) описание цепочки последовательных событий в прошлом. В берестяных грамотах, в том числе весьма ранних, находим, в частности: для случая «а» — *лони крили* Свинц. 1 (XI/XII), *коли то еси приходише въ Роус[ъ] съ Лазь(ѣ)къмъ, тѣгдѣ вѣзале оу мене Лазьвке Перелслав[ъ]тѣ* 105 (XII₂); для случая «б» — *коутилъ еси робоу Пльскове, а ныне ма въ томъ ала кѣнагыни, а ныне са дружина по ма порочила* 109 (XI/XII), *нѣ посылалъ съ Асафѣмъ къ посадьникоу медуо дѣла, а пришлѣ есѣѣ, оли звонили* 605 (XII₁). Особенно длинная цепочка событий, переданных перфектами, представлена в грамоте № 724 (XII₂), см. об этом Б 47.

Имеющиеся в берестяных грамотах немногочисленные примеры имперфекта и аориста представлены в документах официального характера или в письмах, имеющих книжную окраску; см. § 3.36 и 3.37. Во всех этих случаях отличие имперфекта и аориста от перфекта, по-видимому, не смысловое, а лишь стилистическое.

Ситуация, наблюдаемая в берестяных грамотах, резко отличается, таким образом, например, от ситуации в летописях, где, как известно, аорист и имперфект являются нормальными формами повествования, тогда как перфект за рамками прямой речи персонажей встречается сравнительно редко. Распределение, в частности, аориста и перфекта подчиняется здесь определенным семантическим правилам, которые ранее XIV в. почти никогда не нарушаются. Так, например, первый случай использования перфекта в чистом повествовании (изложении последовательности событий), т.е. в образцовом семантическом контексте для аориста, приходится в Синод. НПЛ на запись за 1333 г. (*и послаша новгородци послы ..., и онѣ молбы не приналъ, а ихъ не послушалъ, а мироу не да, поѣха прочь*), в Лавр. — несколько раньше, а именно, на запись за 1285 г. (*тогожъ лѣтѣ воквали литва ...*). Лишь в более позднее время в летописных текстах такие примеры перестают быть редкостью.

С нашей точки зрения, указанное расхождение между показаниями берестяных грамот и летописей может быть объяснено так (ср. Якубинский 1953, § 709). Аорист был не позднее XII в. (возможно, и раньше) оттеснен в сферу пассивного знания: в обыденной устной речи он уже не употреблялся — его заменял перфект, ставший универсальным выразителем прошедшего времени. Однако носители языка всё еще без труда понимали аористы при чтении или слушании читаемого текста и правильно (с морфологической и семантической точки зрения) их употребляли, когда писали летописный или официальный текст.

Вытеснение аориста перфектом в др.-р. языке — часть большой ареальной проблемы вытеснения простого прошедшего сложным (актуальной, в частности, для многих славянских, романских, германских и иных языков Европы). Можно найти в живых языках почти все промежуточные ступени этого процесса.

Для Руси XI–XIII в., по-видимому, можно предполагать стадию, близкую к современному французскому языку, где форма *passé simple* (весьма близкая по функции к аористу) полностью отсутствует в разговорной речи, но свободно используется в литературных и сходных с ними текстах, не вызывая при этом трудностей у читателя. Другой возможный аналог — современный сербскохорватский язык, где аорист редко употребляется в разговорном языке, сохраняясь главным образом в художественном повествовании.

В Новгороде такая ситуация существовала, по-видимому, до XIV в. В XIV в. она начинает разрушаться: аорист начинает утрачиваться даже из сферы пассивного знания. Этим объясняется описанная выше “порча” языка летописи, состоящая в том, что начиная с 1 пол. XIV в. быстро нарастает число примеров безразличного употребления перфекта и аориста и других нарушений древних правил, связанных с аористом.

Довольно долго сохраняются содержащие аорист стандартные формулы официальных документов: *се азъ ... напсахъ (списахъ) рукописанию, се купи, се купиша, се да (се дастъ), се даша, се дахъ, се дахомъ, се урадиса, се роздѣлишася, се розмѣнишася* и т. п. Как известно, они широко представлены в псковских, двинских и обонежских документах даже и в XV в. (наряду с *се купилъ, се далъ* и т. п.). Они же отразились и в ряде берестяных документов официального характера (см. § 3.37). К живой речи эти формулы уже не имеют отношения. Их искусственный характер виден прежде всего из того, что они применяются в семантической позиции, характерной как раз не для древнего аориста, а для перфекта (ср. Успенский 1987: 145). В старейших официальных документах мы находим в этих случаях именно перфект, например: *и язъ съгадавъ съ своєю княгинею съ Анною и съ своими дѣтми, дал ъсмь ты соуды црквиамъ* (Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных; по новгородской кормчей 1280-х гг. — Княж. уставы, с. 23), *се азъ Мьстиславъ ... повелѣлъ ъсмь* (Мстиславова грамота), *се азъ князь великий Всеволодъ далъ есми* (ГВНП, № 79, поздний список с грамоты 1134 г.), *се въдале Варламе* (Варл.) и др. Аорист вместо перфекта появляется в таких формулах позже — по-видимому, лишь тогда, когда он уже мог восприниматься просто как стилистически более высокий эквивалент перфекта.

Что касается имперфекта, то о нем данных существенно меньше. Можно предполагать тот же тип эволюции, что у аориста, но завершившийся быстрее.

§ 4.15. Для перфекта исходным было значение состояния, возникшего в результате некоторого действия или события; в нормальном случае имеется в виду состояние, существующее в момент речи. Это исходное значение ясно выступает в примерах типа *литва вѣстала на корѣлоу*, приведенных в § 4.14.

Отметим некоторые более специальные употребления перфекта. В летописях в авторской речи (т. е. в системе, где полностью актуальны аорист и имперфект) перфект фактически весьма редко употребляется в указанном исходном значении. Чаще всего он выступает в значении, которое в принципе должно принадлежать плюсквамперфекту, а именно, обозначает действие, предшествующее тому, которое передано аористом (иначе говоря, перфект здесь передает состояние, существующее не в момент речи, а в момент некоторого действия в прошлом). Характерные примеры: *нѣ посла снѣ свои Ростисла^в, оже то и пре^ж былѣ* (Синод. НПЛ [1141]), *иде кнѣзь Михаиль къ Гюргю ... править товаровъ, что поималъ на Тържьскоу* [1225], *а тѣхъ, кто ималъ придатѣкъ оу Юросла^в, выгнаша ись Пльскова* [1228]; *положенъ бы^с во Переяславѣ ...*, *ту бо оцъ ему далъ столъ* (Ипат. [1114], л. 104), *и вда Юрополкъ Ольговичемъ ѿчѣну свою, чего и хотѣли* ([1136], л. 111). В подавляющем большинстве случаев описанное значение перфекта реализуется в придаточных предложениях (ср. приведенные примеры).

Специализированный частный случай исходного значения перфекта составляет перформативное (или близкое к таковому) значение, проявляющееся прежде всего в начальных формулах официальных актов, например: *се азъ Мьстиславъ ... повелѣлъ ксмь* (т. е. 'повелеваю этой своей грамотой'), *се въдале Варламе* (т. е. 'я, Варлам, дарую этой своей грамотой') и т. п., ср. выше. В берестяных грамотах этот тип значения представлен во фразах: *Иванаа моловила Оимъ* (т. е. 'говорит этим своим письмом') Ст. Р. 11 (XII), *язо тебе братоу своѣмоу приказале* (т. е. 'приказываю этим своим письмом') 344 (нач. XIV).

Понятно, однако, что после того, как перфект стал в живой речи практически универсальным средством выражения прошедшего времени, его собственные специфические значения растворились во множестве вновь приобретенных.

§ 4.16. Плюсквамперфект, в отличие от аориста и имперфекта, не был чужд живой древнерусской речи; но его функция здесь обычно была иной, чем в книжных текстах. В летописях плюсквамперфект почти всегда функционирует как относительное время, а именно, передает действие, предшествующее другому действию в прошлом (иначе говоря, имеет нормальное "плюсквамперфектное" значение). Тем самым в летописях плюсквамперфект и перфект в значительной части случаев выступают как грамматические синонимы. Ср. приведенные выше фразы и, например, такие: *погорѣ Търговши полъ ...*, *якоже и преже баше погорѣлъ* (Синод. НПЛ [1134]), *и призваша и=Соуждала Соудилоу, Нежату, Страшка, оже бѣхоу бѣжали из Новгорода* [1141], *а кто баше въбеглъ въ каманыа божнице съ товары, а тоу изгорѣша и сами съ товары* [1217]. Согласно исследованию П. В. Петрухина (в печати), тонкое различие между этими двумя грамматическими формами в данной функции лежит в дискурсивно-прагматической сфере: плюсквамперфект относится к основной линии повествования, сообщая о новых событиях, тогда как перфект отсылает читателя к уже известной информации.

На бересте, однако, в этой своей книжной функции плюсквамперфект встретился всего один раз — в официальном документе: *съ урадѣса <-диса> ... по бьсудьнои грамотѣ, что былѣ возалъ Гюрьѣ грамоту в ызѣбьсьнои пьшьнѣцѣ* 366 (XIV).

В нормальном случае плюсквамперфект употребляется в берестяных грамотах в иной функции, которая прослеживается также и в некоторых других текстах не-книжного характера. Она состоит в обозначении события в прошлом как такового, без подчеркивания его связи с настоящим. Речь может идти, в частности, о событии, которое произошло вчера (а не сегодня), в прошлом году (а не в нынешнем), давно (а не только что) и т. п. Семантический элемент предшествования другому событию в прошлом при этом отсутствует. Как правило это те ситуации, где в книжном языке был бы употреблен аорист.

Наиболее наглядны здесь те фразы, где плюсквамперфект непосредственно противопоставлен формам, отражающим момент речи, т. е. в тексте вообще не упоминается никаких других событий в прошлом. Пример: *азъ быле лони наделиле, а ныне быхо посолале* 'я в прошлом году [ее] наделил, а теперь я бы [ее наделок] послал' 705 (нач. XIII); в соседних фразах все глаголы стоят в презенсе или в императиве. Ср. также в прямой речи в летописи: *ω еретиче ...! помнишь ли, жидовине, въ которыхъ порѣтѣхъ пришелъ баше? ты нынѣ в оксамитѣ стоиши, а князь нагъ лежитъ* (Ипат. [1175], л. 208 об.; *баше* — из Хлебниковского и Погодинского списков, в Ипат. *башеть*); *хочю искати Новагорода и добромъ и лихомъ, а хрѣтъ есте были цѣловали ко мѣ на томъ, яко имѣти мене княземъ собѣ* (Ипат. [1161], л. 182); в обоих случаях плюсквамперфект просто показывает значительное отстояние во времени от настоящего момента. Из Вопр. Кирик.: *а кѣже пѣанъ моужь попѣхноули бахоу, запение ногою, и оумреть* (Ильино 17); *ходили бахоу ротѣ, хотаче въ Юроусалимъ* (Ильино 22); в обоих случаях перед нами полное высказывание (описывающее ситуацию, которая требует комментариев епископа).

В примерах типа *ать ти видело, како ти было а Ивана аль* 'если он видел, как я Ивана арестовал' 502 (XII) действие 'видел' относится к прошедшему времени, но действие 'арестовал' не предшествует ему, а одновременно с ним. Ср.: *и слышавъ кѣтископъ похвалилъ баше, яко то горазно створиша* (Вопр. Кирик., ст. 5). Вероятно, к этой же категории относится пример: *Кыевѣ Бѣгъ мѣжи нама послоухо былъ, фофодуи былъ твоихъ 9 рѣкль а собѣ* 675 (XII; к сожалению, последующий текст поврежден).

Характерно, что в ряде случаев фраза с плюсквамперфектом стоит в самом начале рассказа, в частности: *оставили ма были людье* 724 (XII), *рѣкль кѣси былъ во своѣмъ селѣ верши всѣ добры* 195 (XIV), и *Терохъ возилесь быле в --имовѣ хоромѣ* 300 (XV). Далее могут описываться какие-то другие события (см. в особенности № 724, Б 47); но первая фраза уже относит повествование к сфере не связанного непосредственно с настоящим моментом прошлого. В книжном тексте сказуемое такой фразы должно было бы стоять в аористе.

Таким образом, в определенных контекстах плюсквамперфект в его "народном" употреблении может выполнять ту функцию, которую в книжном тексте выполняет аорист. Книжный способ противопоставления аористического и "классического" перфектного значений (т. е. противопоставления прошедшего, не связанного с настоящим моментом, и прошедшего, связанного с ним) хорошо виден, например, из фразы: *въ чѣто* ('почему') *се, Клименте, кѣже обѣща ми са дати, и нѣси ми даль?* (Житие Феодосия — Усп. сб., 48 а). Более новый, некнижный способ можно продемонстрировать на следующем примере: *Что и^x села в Радонѣжси ..., и назъ кня³ велики велѣлъ бы^л своему волостелю радонѣжскому в тѣ^x и^x селе^x ... хрестья^н и^x судити. И ноница [есми ихъ пожа]лова^л, своему есми волостелю хрестья^н и^x в тѣ^x ихъ селехъ ...*

судити не велѣль (АСЭИ, 1, № 260, 1455–62 гг.). В первом примере противопоставлены *обѣща ми са и нѣси ми даль*, во втором — *велѣль быль и есми ... не велѣль*.

Примером текста, построенного по второму из этих образцов, по-видимому, может служить также грамота № 213 (XIII): *про Местяткѣ память на Радослава, како ѿказало было на Местятке 7 гривено ..., а само пощитало в ѿномо сѣде за то четвертой жеребеи* (см. В 17).

Еще одна разновидность “народного” употребления плюсквамперфекта — значение “прерванного действия”; ср., например, *и самъ баше пошелъ, но вороти и Аркадь епѣнь новгородьскии* (Ипат. [1159], л. 177 об). Отсюда современная конструкция типа *он было пошел, да раздумал*. В берестяных грамотах примеров такого типа пока не встретилось — скорее всего лишь из-за ограниченности материала.

Один пример стоит особо: *съ стальъ бышь Коузма на Здылоу и на Домажировица* 510 (XIII). Он отличается от прочих, во-первых, тем, что использована не народная форма плюсквамперфекта с *быль*, а книжная форма с *бѣше*, во вторых, тем, что плюсквамперфект выступает в необычном для него перформативном значении; см. об этом особом случае В 3.

Предположительное наклонение

§ 4.17. В берестяных грамотах, как и в ряде других некнижных источников, активно используется конструкция «буду + I-причастие». Устойчивого традиционного названия у этой конструкции нет; ее называют, в частности, будущим совершенным, будущим предшествующим, преждебудущим (предбудущим). Выше (§ 3.29) было предложено называть ее предположительным наклонением. Дело в том, что в некнижных источниках она в действительности крайне редко означает будущее время, а в нормальном случае имеет чисто модальное значение, которое может быть приблизительно передано как ‘окажется, что [нечто уже произошло]’ (см. подробный разбор в Горшкова, Хабургаев 1981, § 186–188). Данная модальная форма выступает в предложениях со значением условия и в придаточных относительных.

Примеры из берестяных грамот: *ци ти боудоу задѣла своимъ бѣзоумьемъ* ‘если окажется, что я тебя по своему неразумию задела’ 752 (XI/XII), *ачи ти не боудеть солили соуц[а]* ‘если окажется, что вы не солили суща’ 893 (XII), *оже боудоу люди, при комо боудоу дала роукоу за зате* ‘если будут свидетели, при ком я поручилась за зятя’ (букв.: ‘при ком, как выяснится, я поручилась’) 531 (XII/XIII), *ажъ будешь грамоту взяла* ‘если окажется, что ты грамоту уже взяла’ 578 (XIV), *аж[е] будешь не поминала* ‘если, может быть, ты не помнишь’ (букв.: ‘если окажется, что ты не упомянула [забыла]’) 363 (XIV/XV), *ажъ аль будь Матѣйца* ‘если окажется, что [он] уже поймал Матфейца’ 411 (XIII; подробнее об этом примере см. В 34).

Единственный пример в берестяных грамотах, где рассматриваемая конструкция передает действие, по-видимому, относящееся к будущему, — *а ты, Нестере, про чицакъ пришли ко мни грамоту, с кимъ будешь послать* 358 (XIV).

Замечания о презенсе

§ 4.18. Значения презенса тесно связаны с проблемой вида. В др.-р. период само различие совершенного и несовершенного видов уже явно существовало, хотя оно еще не имело столь четкого и всеобъемлющего характера, как в современном языке. Так, многие глаголы (прежде всего бесприставочные) совмещали функции обоих видов; чисто видовые пары, по-видимому, находились лишь в процессе формирования.

В берестяных грамотах в целом уже достаточно хорошо соблюдается характерный для современного языка основной принцип, по которому глаголы несовершенного вида имеют в презенсе (в немаркированном контексте) значение настоящего времени, глаголы совершенного вида — значение будущего времени. Полезно отметить лишь некоторые особые случаи. Бесприставочные глаголы движения в презенсе легко допускают (как, впрочем, и ныне) значение будущего времени, например: *в(е)де* 633, *идоу* 296, *едоу* 222, *ѣдоу*, *везу* Твер. 2, сюда же *с(ъ)лю* 531, Ст.Р. 12; также некоторые другие глаголы — *соудитъ* 752, *даю* 222, *видаюся* 59. С другой стороны, отметим *пишуу* 580 в значении настоящего времени ('пишу').

Следует выделить также один несколько особый тип употребления презенса — так наз. "презенс напрасного ожидания". Под этим условным наименованием объединяются случаи, когда презенс от глагола совершенного вида, выступающий с отрицанием, получает значение типа 'упорно отказывается сделать', 'всё никак не сделает', например, *не дастъ* 'упорно не дает', 'не хочет дать', 'всё никак не дает (не даст)'.
 Материал берестяных грамот здесь таков: *како ты оу мене и чьстьное дрѣво възъмъ и вевериць ми не присълеци (-ши)* ('никак не присылаешь', 'никак не пришлешь'), *то деватое лето* 246 (XI); *чемоу не восолеши* ('не присылаешь', 'не хочешь прислать'), *что ти есемо вода ковати?* 644 (XII); *а чи за то не даси* 'если поэтому не отдаешь' 644; *а не сестра а вамо, оже тако дѣлаете, не исправитъ (-те)* ('не исполняете') *ми ничето же* 644; *а нынѣ вода новоую женоу, а мнѣ не въдасть* ('не дает', 'не хочет дать') *ничьто же* 9 (XII); *ни ты мнѣ брѣне пошлеше лицемъ* 'ты мне не присылаешь ни доспехов ...' 750 (XIV); *а ты ко мни нѣ авишися* ('не являешься', 'никак не придешь') *коуни шти ношо* 490 (XIV); *что есте мнѣ велѣли оу Путила конь взати, шть мнѣ не дастъ* ('не дает', 'не хочет дать') 697 (XIV); *вы, гнѣ, промежю собою исправы не учините* ('между собой никак не договоритесь'), *а мь (мы) промежю вами погбли* 361 (XIV/XV); *а на днѣ ни луба не продасци* Ст.Р. 2 (XV).

Подробный разбор вопроса о "презенсе напрасного ожидания", с примерами из других памятников, а также из современного языка, см. в Изуч. яз., § 60–61.

Употребление связки

§ 4.19. Употребление связки в настоящем времени следует рассматривать раздельно для 1 и 2 лиц (*късьмь, къси, късме, късте, късѣѣ, къста*) и для 3 лица (*късть, суть, къста*).

Для 1 и 2 лиц в берестяных грамотах соблюдается следующий основной принцип: в нормальном случае употребляется одна из двучленных моделей: *даль късьмь* (*виновать късьмь*) или *ѣ даль* (*ѣ виновать*), но не трехчленная модель *ѣ късьмь даль* (*ѣ късьмь виновать*).

Выбор между двумя возможными двучленными моделями определяется правилами употребления личных местоимений (изложенными в § 4.13). В обычном (немаркированном) случае личное местоимение отсутствует и тогда связка сохраняется: *даль късьмь* (*виновать късьмь*). В тех особых случаях, когда личное местоимение по той или иной причине всё же присутствует, связка как правило опускается: *ѣ даль* (*ѣ виновать*). См. примеры в § 4.13.

Трехчленная модель (*ѣ късьмь даль*) берестяным грамотам практически чужда. Можно указать только: *ты еси мои, а а твои* 605 (XII; здесь существенно, что это готовая литературная формула), *то еси ты повѣдалъ къ Рожьнѣтови* 336 (XII).

Менее надежны примеры *а азъ та есмѣла акы братъ собѣ* 752 (XI/XII) и *ако ты си мловила емѣ* 731 (XII); см. о них А 11, Б 83.

Данная особенность существенно отличает берестяные грамоты не только от обычных книжных текстов, но даже, например, и от прямой речи персонажей в Киевской летописи (по Ипат.), где наиболее обычна модель *далъ ксмь*, но в случае сохранения местоимения трехчленная модель *ѣ ксмь далъ* встречается чаще, чем двучленная *ѣ далъ*. Ср., например: *язъ ти есмь сде Любець пожегль* (Ипат. [1147], л. 130 об.), *а вы есте на томъ хрѣтъ цѣловали* ([1148], л. 134), *а есмь оуже старъ* ([1151], л. 152), *ты ми еси бѣць* ([1150], л. 145) и много других подобных. Вопрос о том, является ли в данном случае это отличие от берестяных грамот чисто стилистическим или диалектным, требует дополнительного изучения.

Лишь в качестве исключения встречается в берестяных грамотах также и противоположное отклонение от нормы — одночленная модель. Имеющиеся примеры носят характер эллипсиса: *тобе не се(с)тра, а моему не жена* (с подразумеваемым 'я') 531 (XII/XIII); *сороциць забыле* (тоже с подразумеваемым 'я') 43 (XIV/XV).

Смысловая эквивалентность моделей *далъ ксмь* (*виновать ксмь*) и *ѣ далъ* (*ѣ виновать*) приводит к тому, что между *ксмь* и *ѣ* (*кци* и *ты*, *ксме* и *мы* и т. д.) устанавливаются особые отношения, близкие к отношениям двух синонимов, различающихся только просодическим статусом (типа *ми* и *мѣнь* или *ма* и *мене*); ср. Хабургаев 1978. В парах *ксмь* и *ѣ*, *кци* и *ты* и т. д. связка представляет собой энклитику, а местоимение — полноударную словоформу.

Характерным свидетельством семантического сближения членов такой пары, при котором, например, *ксмь* уже начинает просто играть роль слова 'я', являются фразы, где связка употреблена при личной форме глагола, например: *тотъ есме погубо-хомъ* (Ипат. [1175], л. 207 об.), *а жены не видѣль кци боудеишь въ снѣ* (Вопр. Кирик., Саввино 17), *купишь есми на торгу, а того жъ есми не знаю, оу кого купишь* (Пск. судн. гр., ст. 46), *повестуюю, что есмь нынѣ на дорогу ехати хоцю* (Пск. 3 лет. [1473]), *чтобы мѣтъ о томъ на васъ не бѣлъ челомъ, о чомъ есте ходите не по крестному челованью* (Рев. арх., № 27, 1530 г.).

§ 4.20. Положение со связками 3 лица в берестяных грамотах таково.

В перфекте общим правилом является отсутствие связки 3 лица, т. е. употребленние моделей *далъ 'он дал'*, *Иванъ далъ* (см. примеры в § 3.38), но не *далъ ксть*, *Иванъ ксть далъ*. Во всем массиве берестяных грамот встретилось только одно формальное отклонение от этого правила: *[ц]и есть саме в[б]хоу [ли]хв[оу вѣд]але* 736а 'отдал ли он сам всю лихву' (XII); можно думать, однако, что в действительности мы имеем здесь дело с тем же явлением, которое рассматривается ниже в § 4.21, когда "избыточное" *есть* привносит оттенок 'дело обстоит так, что ...'.

В этом отношении берестяные грамоты отчетливо отличаются от книжных текстов, где связки 3 лица в перфекте хотя и не обязательны, но всё же употребляются сравнительно часто. Даже в прямой речи персонажей в летописи такие связки иногда встречаются; ср., например: *не ими, княже, вѣры бра^ти наю, соу^т на та съвѣтали съ чьрниговьскими князи* (Синод. НПЛ [1209]); *а оуже есть виель в наиѣ ватицѣ* (Ипат. [1149], л. 136), *ѣвляю ти, ѡже есть съступиль Володимеръ хрѣтнього цѣлованиа* ([1152], л. 163 об.), *ти бо соу^т не мене ѡдиногo хотѣли оубити* ([1147], л. 128).

В случае, когда сказуемое выражено страдательным причастием, положение, вероятно, было такое же, как в перфекте, т. е. связка 3 лица вообще не употреблялась.

Примеры см. ниже, в § 4.23. Специально отметим, что связка отсутствует не только при наличии подлежащего (например, *Жизнобоуде погоублене оу Сычевиць* 607), но и в безличных предложениях (например, *положено на Бъ и на тебе* Пск. 7). К сожалению, материал берестяных грамот здесь довольно ограничен (он фактически целиком приведен в § 4.23), поэтому настаивать на жестком характере данного правила было бы рискованно.

В прочих случаях в берестяных грамотах связки 3 лица при именном сказуемом в целом подчиняются следующему правилу: если во фразе есть подлежащее, выраженное отдельным словом (чаще всего существительным или местоимением), то связка отсутствует, если такого подлежащего нет — присутствует.

Примеры. Связки нет: *а замъке кѣле, а двѣри кѣлѣ* 247 (XI), *дешеве ти хлебе* 424 (XII), *а стѣе Варъварь тѣлица сторова ли?* 657 (XII), *ци ти многи повои* (букв.: 'если у тебя повой многочисленны') 717 (XII), *тажса ваша* 603 (XII), *Хона жена тое грамоте господыни* 112 (XIII), *и товаръ вохъ кѣль* 351 (XIII), *а на то послоухо Игнато Мо[исиевъ]* 377 (XIII), *а Тимона меретве* 582 (XIII/XIV), *Гѣа вола і твоя* 356 (XIV), *а тѣ худѣ* 242 (XV), *самъ нимъ* 10 (XV), *земля готова* 17 (XV), *а иное все добро здорово* 122, 129 (XV); также с предложной группой — *а то за нимъ* 9 (XII), *а Бъ за мѣздою* 549 (XII), *а роко на Роство* 144 (XIV), *а просоле здѣ по пяти гривону бочка* Ст. Р. 2 (XV); аналогично: *а намъ в землѣ половина а верьши часть* 755 (XIV). Особый частный случай этого же класса примеров составляет фраза: *а соромъ ми оже ми лихо мѣвлаше* 'а зазорно мне, что ты дурное мне говорил' 605 (XII), где функцию подлежащего выполняет придаточное предложение.

Связка есть: *а тобѣ вѣдѣ ако есть не годьнѣ* 752 (XI/XII), *правъ ти есть* 'он прав' 819 (XI), *лихе есте* 'он дурной' 163 (XII), *оце е тебе н[е] годена* 705 (XII/XIII); также с предложной группой — *аже ти е по съпехо* 'если тебе к спеху' 709 (XIII). Заметим, что в грамотах XIV–XV вв. примеров этой категории не встретилось, поэтому, строго говоря, неизвестно, сохранялась ли еще в это время данная синтаксическая модель.

Разумеется, приведенное правило не распространяется на полнозначные *єсть* (ѣ), *суть* (су) — 'есть', 'имеется (имеются)', 'находится (находятся)', например: *а есть мжжь — съ нимъ* 'а если есть человек, то с ним' 296 (XII/XIII), *занода оу насо коупла есте беле* Пск. 6 (XIII), *а судьно єсть у мене, а хлѣб[ѣ] сухѣи су* 19 (XV), *єсть градъ между нобомъ и землею* 10 (XV).

Правда, в некоторых контекстах отличить связки *єсть*, *суть* от полнозначных *єсть*, *суть* оказывается довольно трудно. Так, обе эти интерпретации в принципе возможны для фраз: *а оу Жирослава соуть* 'они (деньги) у Жирослава' 657 (XII), *Ѡ Нъжька ти есте* 683 (XII) (хотя здесь всё же явно предпочтительна версия со связкой). В этих примерах сохранение во фразе словоформ *єсть*, *суть* закономерно при любой из двух интерпретаций. В других случаях такое сохранение соответствует правилам только при интерпретации *єсть* как 'имеется', 'находится', в частности: *а а вѣде, ожь ж васъ есте тѣваръ Ольскы(нѣ)* 548 (XII), *томуо даи попытай, есте ли Мафеї оу монастыри* 717 (XII)¹, *чѣа ти есть корова* 8 (XII/XIII). При интерпретации

¹ Судя по позиции во фразе, в этом примере *ест(ь)* — не энклитика, а полноударная словоформа. Это веский аргумент в пользу того, чтобы усматривать здесь полнозначный глагол, а не связку, но, к сожалению, всё же не окончательный: связка *єсть* (в отличие от *єсмь*, *єси* и т. д.) не всегда была безударной, ср., в частности: *а есть ли то, братя, тако или не тако?* (Ипат. [1147], л. 127); для связки *суть* ср. *соут на та свѣтали ...* (см. этот пример из Синод. НПЛ выше).

ксть как связки любой из этих трех примеров оказывается отклонением от приведенного выше общего правила. Отклонением является также реконструированная фраза [а] т[о е] монѣ 936 (но здесь возможны и другие варианты реконструкции).

Противоположное отклонение представлено во фразе: *ни векшею не дльжьнь* [он] не должен ни векши' 336 (XII). Одновременное отсутствие и связки, и местоимения носит здесь характер эллипсиса (как во фразе *тобе не се(с)тра, а моужеве не жена* 531 и т. п., см. § 4.19). Еще один подобный пример — вторая часть фразы *а мы юго не хъtimo: не сусѣднеи человекo* 311 (XV).

Как и в случае с перфектом, в книжных памятниках связка при именном сказуемом сохраняется гораздо чаще, чем в берестяных грамотах. Даже в прямой речи персонажей в летописи есть немало примеров сохранения связки, не соответствующих приведенному правилу; ср., в частности, в Ипат.: *занеже Гюрги есть силенъ* ([1151], л. 152об.), *а оуже есть правъ ѿць твои и ты* ([1161], л. 182об.), *поганы есть всимъ намъ ѡбечъ ворогъ* ([1185], л. 223) и т. п.

§ 4.21. Особый вопрос составляет “избыточное” *ксть*, т. е. такое, которое вставляется в грамматически полностью законченную фразу, привнося лишь слабоуловимый оттенок усиления констатации (= ‘имеет место тот факт, что ...’, ‘дело обстоит так, что ...’). Примеры: *иже есть ѡстаноутса сѣнове и дщери оу коегождо члѣка* (Устав новг. князя Всеволода [составлен, вероятно, в XIII в.], Княж. уставы, с. 158); *тако же и битого ѡпроси^{тъ}, гдѣ есть били і грабили, явили кому* (Пск. судн. гр., ст. 20); *а коли послали есть с тѣмъ в Новгородъ* (ГВНП, № 234, список XVII в. с грамоты XV в.); *а тыи люди есть видели, ка^к провадили* (Полоцк. гр., № 87, 1448–58 гг.); *которѣи ни есть великое княжение дръжяли, а ти все ...* (Пск. 3 лет. [1471], Строевский список).

Конструкция с избыточным *есть* хорошо известна в современных говорах северо-западной зоны (в особенности прионежских и псковских): *Хлеб есть привезли, У него два сына есть были, Ребята есть курят, Пасѣт коров ходит есть* и т. п. Разбор этой конструкции в памятниках (с привлечением материала говоров) см. в работе: Шевелева 1993.

В берестяных грамотах вполне надежных примеров данной конструкции нет. Но есть два случая, где такая грамматическая интерпретация в принципе возможна: *нынеча жена моя заплатила 20 гривнь, оже есть посуулили Двѣдѣи кѣ(зю) 603* (XII₂), [снох]у *есть у мнь убилѣ, а живото есть у мнь розграбилѣ 252* (XIV₂). Если за написанием *есть* в этих текстах стоит именно словоформа 3 ед., то перед нами неопределенно-личные обороты (‘посулили’, ‘убили’, ‘разграбили’) с избыточным *есть*. Но не исключено также, что *есть* — это словоформа 2 мн. (ксте) (т. е. сказано ‘вы посулили’, ‘вы убили’, ‘вы разграбили’). Однако, если для грамоты № 603 это второе решение семантически вполне удовлетворительно, то для грамоты № 252 (к сожалению, дошедшей до нас лишь в виде фрагмента) оно дает несколько странный смысл: приходится допустить, что письмо адресовано грабителям. Таким образом, по крайней мере для грамоты № 252 наличие конструкции с избыточным *ксть* следует признать высоковероятным.

Причастие как сказуемое

§ 4.22. Несклоняемые действительные причастия презенса и прошедшего времени (иначе — согласуемые деепричастия, см. § 3.29) функционируют в др.-р. языке как сказуемые отдельных первичных предложений, представляющих собой, с синх-

ронической точки зрения др.-р. периода, частный случай придаточных предложений. Сам факт использования в качестве сказуемого не личной формы, а причастия является грамматическим средством для выражения подчиненного статуса соответствующего предложения (см. Потеня 1958, I–II: 208–231).

Яснее всего указанная функция видна в тех случаях, когда подлежащее первичного предложения с причастием не совпадает с подлежащим главного предложения, например: *се Жадѣке пославѣ абетника дова, и пограбила ма въ братни долгъ* 235 (XII₂); *но не мытиса юму (новокрещенному) томъ дни, развѣ попь отерь гоубою лице* (Вопр. Кирик., ст. 50).

Специально выделим тот частный случай, когда соответствующее причастию подлежащее, не совпадающее с подлежащим главного предложения, лишь подразумевается, т. е. фактически во фразе отсутствует (обычно оно в этом случае совпадает с дополнением или иным второстепенным членом главного предложения). Примеры: *и бы^с лествѣ въ переяславцехъ, рекоуче* ('а именно, они говорили'): «Гюрги намъ кѣтъ и свои ...» (Ипат. [1149], л. 139); *и ту постиже и вѣсть и=Щернигова ѿ свои^х ему приятель, рекуче ему: «не ѣзди, кѣтѣе, никамо же ...»* ([1160], л. 181); *зажѣжеса пожарь Новѣгородѣ въ не^д на всѣхъ стѣхъ в говѣникъ, идоуче в заоутрнюю* ('когда шли [подразумевается: люди] к заутрене') (Синод. НПЛ [1194]); *владыка рече: «Богъ де тебя благословляет, здрь, Псков возьми без брани»* (Пск. 3 лет. [1510], Архивский 2-й список); *яко застанешъ (зверя) въ силѣ оуже оудавивъшеса, тоу зарѣжи не вынимаи* ('застанешъ уже удавившимся') (Вопр. Кирик., ст. 87).

В берестяных грамотах встретился следующий пример этого типа: *а что про самозерци хедыле есемо не платяце, а платяце в томо что про межи раду нѣту ...* 'а что касается сямозерцев, то я ходил [к ним], так как они [в настоящий момент] не платят, а [вообще] платят (= обязаны платить) потому, что нет договора о границах [угодий]'131 (XIV₂) (впрочем, синтаксическая структура в этом сложном примере может трактоваться и иначе, см. Г 69). Подобная конструкция и поныне возможна в говорах, например: *Ничего его не на поезде избили, а воровавши картошку, Мыши съели пальто лежамши*. Такие примеры отмечаются именно на северо-западе великорусской территории (см. Рус. диал., с. 196).

В целом, однако, конструкция с несовпадающими подлежащими является для берестяных грамот редкостью. Во все периоды безусловно преобладают примеры, где причастие имеет то же подлежащее, что и главное предложение: *и заславъ Захарья, въ в[ѣ]ре зрокль* 724, *ты же ма и потени, не зера на Федора* 531, *олна же възьмъ серьбро, то же даи бобры* 420 и т. п.

Вопрос о постепенной утрате согласования у действительных причастий рассматривается отдельно в § 4.26, вопрос о союзах и частицах при причастных (деепричастных) конструкциях — в § 4.34.

§ 4.23. Отметим также некоторые важные конструкции со страдательными причастиями. Простейший тип употребления страдательных причастий в предикативной функции — конструкция с согласованием подлежащего и сказуемого, без указания агенса. В берестяных грамотах отмечены: *аже то лодиа присълана кыанина* 745 (XII), *воскоу коуплены 3 пи (= капи)* 439 (XII/XIII), *а истина дана* 142 (XIV), *убита есемо* 415 (XIV), *приобижени юсмъ с немецкой половинѣ* 248 (XIV), *...ца (= орамица?)*, *гнѣ, пережата церось межѣ, дѣт[ъ]кѣ мо[и] зоби[ж]оны, жона моа зобижона* 474 (XIV/XV).

Безличные конструкции: *а оу него ти крадено* 907 (XI/XII), *положено на Бѣ и на тебе* Пск. 7 (XIII), *на Бозѣ пол(о)жено и на васо* 414 (XIV).

Беспорных примеров конструкции типа *куплено корову* (с В. падежом объекта) в берестяных грамотах не встретилось. Есть лишь несколько синтаксически неоднозначных примеров, где такая интерпретация допустима: *вода[и]о ти б гр[ив]ьно* 227 (XII); *ж Радатѣ не възато поль третьѣ гривынѣ* 799 (XII); *куплено ти рожси ѡсми* (И.В.) *надсате полушоко* 775 (XIII); *куплено по полу гривни рожсе* (И.В.), *а пешеница по сороку бес куни* 775. Но во всех этих случаях в принципе возможна также интерпретация по модели *велико человѣку тому мьзда* (без согласования), см. § 4.25.

Наибольший интерес представляют конструкции с указанием агенса (заметим, что во всех имеющихся в берестяных грамотах примерах этой категории сказуемое согласовано с подлежащим).

Всего одним, но ярким примером представлена конструкция с причастием, где агенс выражен Р. падежом с предлогом *отъ*: *и ѡкрадони ѿ ного ѡсми* ‘мы им обокражены’ 370 (XIV₂). В настоящее время такая конструкция отмечается в единичных пунктах сев.-в.-русск. территории (Рус. диал., с. 190). Отметим также сходную фразу, где предлог *отъ* использован при другом способе выражения пассива: *а нинесе проноситса ѿ Кюрьяка* ‘а теперь разглашается Кюрьяком’ 538 (XIV₂).

Шире представлена аналогичная конструкция с предлогом *у*: *Жизнобоуде погоублене оу Сычевищѣ* 607/562 (XI₂), *оу Михала ѿберан(а) половина* [б]еле 225 (XII₂), *ѡцти на наша и дидѣна* [ѿ](ил)ана *оу вымолчовѣ господѣ* 248 (XIV). Сюда же примыкает пример, где либо подлежащего не было, либо оно содержалось в утраченной части грамоты: *а [ж] другѣхо возать <то>*, *а не заглажьно <ено>* 662/684 (XII₂). Правда, для каждого из этих примеров в принципе возможно также истолкование, опирающееся на какое-то иное, не агентивное, значение предлога *у*, но почти во всех случаях предпочтительно именно истолкование с агентивным *у* (см. соответствующие статьи “Текстов”). Как можно видеть, этот тип фраз засвидетельствован с чрезвычайно раннего времени.

В настоящее время конструкции с выражением агенса через *у* + Р. падеж (с согласованием, типа *Святые все замучены у людей*, или безличная, типа *У меня прялку на пече положено*, *У кота всю руку исцарапано*) характерны главным образом для северо-западных говоров (Рус. диал., с. 190, Кузьмина, Немченко 1971: 22–24). Диалектологические данные позволяют, таким образом, предполагать новгородское происхождение этих конструкций (Борковский, Кузнецов 1963: 399). Показания берестяных грамот подкрепляют эту гипотезу.

СОГЛАСОВАНИЕ

§ 4.24. Как известно, в др.-р. языке при собирательных существительных, означающих некоторую совокупность людей (*русь, корѣла, чюдѣ, господа, братья, дружина* и т.п.), сказуемое обычно ставилось во множественном числе: *придутъ русь, рекоша дружина, корѣла двинанѣ грабили* и т.п. (см. Борковский, Кузнецов 1963, § 270). Такой способ согласования находим также и в берестяных грамотах: *поедутъ дружина Савина чадѣ* 69 (XIII), *бѣють челомѣ корила погоскаа, кюлоласкаа и кюрієскаа господину Новугороду* 248 (XIV); ср. также примеры с обращением: *порозѣмѣите, братье, емѣ* 724 (XII), *какѣ се, зѣдо, мною попецалуѣте и моими дѣтми?* 49 (XV).

Представляет, однако, интерес тот факт, что в берестяных грамотах, причем весьма ранних, встретился также и тот способ согласования, который впоследствии победил в русском литературном языке: *литва вѣстала на корѣлоу* 590 (XI), *а ныне са дружсина по ма пороучила* 109 (XI/XII).

§ 4.25. Прилагательное, выступающее в качестве именной части сказуемого, в берестяных грамотах обычно согласовано с подлежащим, например: *а замѣке кѣле, а двѣри кѣлѣ* 247 (XI), *дешеве ти хлебе* 424 (XII), *земля готова* 17 (XV) и т. п.

Но имеются и два примера, где отразилась другая конструкция — без согласования, с именным сказуемым в среднем роде: *а поцта тобѣ буде гъже* <гоже> 'а почестье тебе будет хорошее' 147 (XIII); также в тексте заговора — *и [бѣ] шюмъ с небесѣ велико и страшно* 'и был грохот с небес велик и страшен' 930 (XV). Ср., например: *оже кости мертвыхъ валаются кдѣ, то велико челоуѣку тому мзда, оже погребоуть ихъ* (Вопр. Кирик., ст. 54); *того ради и Соломонъ вѣпшише: велико чѣлкъ и чьстьно моужь милостивъ* (Усп. сб., 181г). Такая конструкция хорошо известна из более поздних памятников народного характера и из говоров, ср. пословицы типа *Мед сладко, а муха падко, Правда хорошо, а счастье лучше* и т. п.

Имеется также сходный пример с глагольным (причастным) сказуемым: *а [ц]то б[ы]ло б би[л]ъ моа, а того не даль* 754 (XIV), где *было* не согласовано с *шесть б[ѣ]лъ моа*. Подобную синтаксическую интерпретацию в принципе допускают и некоторые другие примеры; см. § 4.23, а также № 131 (Г 69).

§ 4.26. Особый вопрос составляет согласование несклоняемых действительных причастий презенса и прошедшего времени (иначе — согласуемых деепричастий) со своим агенсом в роде и числе.

Уже в ранне-др.-р. период в живой речи такие причастия утратили согласование (и, следовательно, превратились в чистые деепричастия) во фразах, где их агенс входил в состав главного предложения, но не в качестве подлежащего, а в качестве второстепенного члена. Примеры: *даи Бѣ юго млтѣвоу въсѣмъ хръстианомъ и мнѣ хоудомоу Наславоу, праваци юго орудия въ правдоу* (из записей к Мстиславоу ев.); *тѣ то погоубивши, юмоу платити* (ПР, ст. 57); *оже ти, бра^т, не до сыти волости, всю землю роускою държачи* (Ипат. [1140], л. 113; *до сыти* — из Хлебниковского и Погодинского списков); *а тобѣ боуде^т оставаче своѣ пѣшицѣ поѣхати же по не^м* ([1151], л. 154 об.; в Хлебниковском и Погодинском списках *оставачи*); *а^т ми будеть ту сѣдѣчи добро слати в Галичь* ([1173], л. 201); *правити емоу, поемши дѣтскыи оу соудѣ* (Смол. дог. 1220-х гг., 44). Очень много таких примеров, в частности, в Вопр. Кирик.

Во фразах, где агенс причастия является подлежащим главного предложения (или подлежащим самого оборота с причастием, ср. пример из грамоты № 235), согласование в роде и числе удерживается существенно дольше.

В берестяных грамотах ранне-др.-р. периода согласование в этом случае еще соблюдается вполне хорошо, например: *се Жадѣке пославъ абетника дова, и пограбила ма въ братни долгъ* 235; *оже оно поехало проце, а река тако* 531; *ци оуже ти есмь задѣла сълоуци* 752; *чьсть енюци, неюци едоуци со Давыжею* 227 (о матери); *а и заемоши моги же водати* (там же); *...ита* (фрагмент императива двойств. числа) *за Вѣлкѣ, рѣспытав[ѣ]ша [зѣ]раз(дѣ)* 685; *а правите имъ тѣваро, Ба са болицъ* 548; *продавшие дворъ, идите же сѣмо* 424; *а въжники творятеса въдавоше Собыславоу цетыри гривне* 550.

Ранний пример, где не исключено нарушение согласования: *възьмъши, въда же прочь людъмь* 119 (XII); но он вполне допускает и версию с согласованием, см. А 23. О самой возможности таких нарушений в ранне-др.-р. период говорят некоторые примеры из других памятников, в частности: *иди, потърти мало ..., аще ли же, то да съваривъше пшеницу ти тоу съмать съ медъмь, прѣдъставиши на трапезѣ братии* (Житие Феодосия — Усп. сб., 50 б); *помоливъшиса епископъ* (Житие Нифонта по списку 1219 г.); *да то ти сѣдитъ сѣтъ твои хрътныи с малы^М братомъ своимъ, хлѣбъ ѣдучи дѣдень* (письмо Мономаха к Олегу); *и се, владыко, оже жены наиболт кланяются въ субботу до земля, тако молва: «за оупокои кланяемса»* (Вопр. Кирик., ст. 9); *а въ лохани, рече, в ней же мывса, пью (пьют) изъ нея, иноу водоу вълывъ* (там же, ст. 35). См. также Борковский, Кузнецов 1963, § 258, 284.

В дальнейшем несклоняемые действительные причастия постепенно утрачивают способность к согласованию даже и в этой синтаксической позиции и тем самым окончательно превращаются в чистые деепричастия.

В берестяных грамотах XIII в. материала мало: а) множ. число *р[оуцѣтив]ше* 295, *поимавоиши* 582 (о двух людях); б) неоднозначно интерпретируемый пример *при-слѣдѣвши* 141 (возможно, с нарушением согласования, см. В 22).

В грамотах XIV–XV вв. несогласованные причастия встречаются столь часто, что сам принцип согласования следует считать уже по существу разрушенным. При любых подлежащих реально чаще всего встречается прежняя форма ед. числа мужского рода. Так, при подлежащем женского рода (в ед. числе) находим: *да иди с Обросиемъ к Степану, жеребши возма* 354 (письмо к матери); *какъ стою* 942; *цо бѣ не блодила (о в.м. у) цого зра* 129; *ѡхода сего свѣта* 692, 28 (завещания женщин); исторически правильная форма встретила лишь в грамоте Твер. 2: *сопрама{во}воиши*. При подлежащем во множ. числе встретились, с одной стороны, *платаце, не платаце* 131, *прихавитѣ* 249, с другой — *приѣхавѣ и=Заволоцѣа, носитѣ серебро* 417, *посадничѣ люди землю пошрав ...* 698, *опознавъ, да отадбѣли* 135.

При подлежащем мужского рода (в ед. числе) почти всегда выступает исторически правильная форма — просто потому, что эта немаркированная форма становится всеобщей. Но и здесь есть отклонения: *твораци* 102 (при главном сказуемом *кеси велше*), *здуци* 931 (при главном сказуемом *цо бы кеси ... достѣль*).

ПОРЯДОК СЛОВ

Расположение энклитик

§ 4.27. В живой древнерусской речи действовали четкие закономерности, определявшие место энклитик во фразе и их взаимное расположение. Принципиальные положения см. в работе Якобсон 1935. Конкретная ситуация в др.-р. языке подробно рассмотрена в Изуч. яз., § 62–75; здесь мы ограничимся кратким пересказом.

Отрезком речевой цепи, в рамках которого действуют правила о порядке расположения энклитик, является первичное предложение (§ 4.1). При этом союз, связывающий части сложного предложения, рассматривается как часть того первичного предложения, перед которым он стоит. Ниже эпитет “первичное” в недвусмысленных случаях может быть опущен.

Первичное предложение членится на тактовые группы (или, иначе, фонетические слова). Тактовая группа имеет единое ударение. В нормальном случае она состоит из акцентно самостоятельной словоформы вместе с примыкающими к ней клитика-

ми — проклитиками и/или энклитиками (подробнее см. Зализняк 1985, § 2.4–6). В особых случаях тактовая группа может: а) включать две акцентно самостоятельные словоформы (тесно связанные по смыслу и получившие единое ударение); б) состоять только из проклитики и энклитики (или из серии проклитик и серии энклитик).

В древнерусском языке, как и в других древних индоевропейских языках, расположение энклитик, относящихся к сказуемому (или, что то же, ко всему первичному предложению в целом), подчиняется так наз. *закону Вакернагеля*, а именно: все такие энклитики входят в состав первой тактовой группы первичного предложения (образуя конечную часть этой тактовой группы). Пример: цепочка энклитик *ти са љсмь* в составе фразы *отъступилъ ти са љсмь того села* или фразы *того ти са љсмь села отъступилъ*.

Взаимное расположение энклитик в цепочке подчиняется “ранговому” принципу, а именно: каждая энклитика принадлежит к определенному *рангу*; в цепочке любая единица меньшего ранга стоит левее любой единицы большего ранга.

Распределение др.-р. энклитик, относящихся к сказуемому, по рангам таково:

1) *же* (относящееся к сказуемому, т. е. не считая *же* отождествительного, *же* в значении ‘и’, *же* в *иже*, *никъто же* и т. п.);

2) *ли* (частица);

3) *бо*;

4) *ти* (частица);

5) *бы*;

6) энклитические формы местоимений в Д. падеже — *ми, ти, си, ны, вы, на, ва*;

7) энклитические формы местоимений в В. падеже — *ма, та, са, ны, вы, на, ва, и, ю, љ, ѓ, ља*;

8) связки 1 и 2 лиц — *љсмь, љси, љсме* (*љсмо* и др.), *љсте, љсѣѣ, љста*. Насколько можно судить по имеющемуся скудному материалу, к 8-му рангу принадлежит также частица *ка*, когда она относится к сказуемому (со связками она несовместима).

Обсуждение просодического статуса связок *љсть, суть* и словоформ *быль, было* в составе плюсквамперфекта см. в Изуч. яз., с. 285–286.

Две энклитики одного и того же ранга в рамках одной тактовой группы несовместимы. Фраза, где возникла бы такая ситуация, должна быть так или иначе перестроена; например, вместо невозможного **дати ми ти рубль* может быть сказано *дати ми тобѣ рубль*, где энклитика *ти* заменена полноударным *тобѣ*.

Вот некоторые примеры из берестяных грамот, иллюстрирующие действие рангового принципа: *мѣни же ми къльтькъѣ цетыри* 335, *оже же еси продала* Ст. Р. 8, *а Давыдъ ти ми не въдалъ* 664 (*ти* — частица), *то ти есмь дале Саѣѣ* 384, *и покланяю ти са, братьче мои* 605, *то [из] оцью бы са витьрьго притькль* 752, *цему ма еси погубилъ* 272; подробнее см. Изуч. яз., § 64. О единичном случае отклонения от указанного выше распределения энклитик по рангам (а именно, о последовательности *есмо са*) в грамоте № 731 см. Б 83.

§ 4.28. На изложенное выше основное правило расположения энклитик накладываются, однако, некоторые дополнительные, более частные правила, которые в определенных случаях модифицируют действие основного правила.

Сюда прежде всего относятся правила, связанные со следующим обстоятельством: в первичном предложении его начальная часть может быть как бы отчленена (хотя в произношении пауза здесь совсем не обязательна). Правила расположения

энклитик действуют после этого так, как если бы отчлененной части в предложении вообще не было. Иначе говоря, действительное начало первичного предложения заменяется (с точки зрения правил об энклитиках) точкой “условного начала”, совпадающей с границей отчленяемой части.

Точку “условного начала” можно образно представить как некий “ритмико-синтаксический барьер”, который не позволяет энклитикам продвинуться влево, к действительному началу первичного предложения. (Ниже может быть для краткости сказано просто “барьер”.)

Правила постановки ритмико-синтаксических барьеров таковы (в примерах барьер обозначен символом //; энклитики, место которых задано барьером, подчеркнуты; более полные иллюстрации см. в Изуч. яз., § 66).

1. Барьер обязательно ставится после обращения, начинающего первичное предложение (например, *кнаже // ты са на насъ не гѣваи* — Ипат. [1147]), и факультативно после обращения, находящегося внутри первичного предложения.

2. В предложении с однородными сказуемыми барьер обязательно ставится перед группой каждого непервого сказуемого; такой барьер задает место энклитик, относящихся к соответствующему сказуемому. Пример: *язъ же с вама и С(ва)тослава прогналь // и волость ва емь изискаль* (Ипат. [1147]).

3. В сложном предложении (или предложении с однородными сказуемыми), где общий член двух или более частей предложения вынесен в начало и за ним следует союз, перед таким союзом обязательно ставится барьер. Пример: *а ты // атче еси не възаль коунъ техъ, а не емли ничъто же оу него* 109.

4. Перед вопросительным или относительным местоимением или наречием почти всегда ставится барьер. Пример: *али // чимо есемо виновата* 644. (Редкий пример отклонения: *аже ва цъто надобе* 422; здесь барьера перед *цъто* нет, и энклитика *ва* оказывается левее его.)

5. В факультативном порядке барьер может быть поставлен после любой целой синтаксической группы (начальной или стоящей после другого барьера), кроме группы сказуемого, или даже после серии целых синтаксических групп, если отчленяемая таким образом часть предложения: а) предполагает по смыслу некоторое противопоставление или эмфазу и/или б) выражает тему всего высказывания или какое-то обстоятельство, относящееся ко всей остальной части высказывания в целом. Примеры: *а рожь Петровоу // повелело есемо измолотиво Кривѣ дати* 196; *а ныне // даі ми то мѣсто Быковцину* 477; *а стѣе Варъварь тѣлицѣ // сторова ли?* 657.

Особое частное правило, модифицирующее действие основного правила, состоит в следующем. В первичном предложении, разделенном на части ритмико-синтаксическими барьерами, в принципе допускается распределение энклитик, относящихся к сказуемому, между такими частями (причем ранги энклитик на способ такого распределения не влияют). Данная ситуация равносильна наличию барьера, предназначенного для конкретной энклитики (и не имеющего силы для остальных). Пример: *а оу королева еси мужа // слышалъ ли ѿ томъ чѣтномъ крѣтѣ?* (Ипат. [1152]); здесь барьер после *мужа* задает место энклитики *ли*, но не энклитики *еси*.

§ 4.29. Если первичное предложение начинается с энклиномена служебного или местоименного характера (таковы прежде всего *оже, кже, аже, аче, иже, се, то, кѣто, чѣто*), то в принципе возможны две модели начальной тактовой группы: а) обычная модель *се есмь даль*, где энклитики следуют непосредственно за началь-

ным энклينوменом; б) особая модель *се даль ксмь*, где начальный энклينوмен просодически объединяется с другим акцентно самостоятельным словом (§ 4.27), а энклитики следуют уже за этим комплексом.

В берестяных грамотах господствует первая из этих моделей, например: *оже еси забыле моего доброденна 627, то еси ты повѣдалъ къ Рожьнѣтови 336, а се ти хочоу 109*. Модель *се даль ксмь* надежно засвидетельствована только в двух примерах: *се оу Насила ксмь възалъ 525, съ возало есмь у Храра задницю Шибьньцьву 198*. Относительно *ако ты си мловила емъ 731 см. Б 83*. Поздние примеры *а что по[в]елило кс[и]* 754 (XIV₂), *а что позвале ксмь 244 (XV)* либо относятся сюда же, либо отражают уже начало расшатывания старых правил.

Если первичное предложение начинается с проклитики (в частности, с союзов *а, и, да, ци*, частиц *не, ни*), в принципе возможны: а) обычная модель *не даль ли кси*; б) особая модель *не ли кси даль*, где начальная тактовая группа вообще не содержит акцентно самостоятельного слова, а складывается из проклитик и энклитик (§ 4.27).

В берестяных грамотах нормой является первая модель. Вторая модель практически возможна только для ограниченного списка сочетаний: *а ли, а ти, а бы, и ли, да ти, да же, да бы*. Все эти сочетания обнаруживают большую или меньшую степень лексикализации, т. е. имеют тенденцию к превращению в единые слова с самостоятельным значением. Эта тенденция уже в ранне-др.-р. период по существу реализовалась для *али, ати, или* (отсюда допустимость слитного написания). Несколько позже то же самое происходит с *да ти, да же, а бы, да бы*. Таким образом, например, *али кси даль* ('если ты дал', 'или ты дал'), в отличие от первоначального состояния, уже не является более синонимом для *а даль ли кси* ('а дал ли ты?').

§ 4.30. Особое место в системе др.-р. энклитик занимает энклитика са. Она в большей степени, чем все остальные энклитики, тяготеет к тому, чтобы оказаться справа от подчиняющей ее глагольной словоформы. Такой результат достигается за счет того, что в данном случае очень широко используются любые факультативные правила, позволяющие энклитике не продвигаться к началу фразы (прежде всего правило 5 из § 4.28).

Разбор постепенной эволюции *са* от препозиции (по отношению к глаголу) к постпозиции см. в Изуч. яз., § 71–73. Здесь отметим лишь, что в берестяных грамотах ранне-др.-р. периода *са* еще мало отличается от прочих энклитик (т. е. тенденция к постпозиции *са* еще проявляется сравнительно слабо). Примеры: *а ныне са дружи-на по ма порочила 109, а чемоу са гнѣваеши? 605, [мо]гоу са съ тобою ати на водоу 238, то [из] оцью бы са вытьрьго притькль 752, а Мѣстамъ са вама поклана 422* и т. п. Фразы типа *а възники творатеса водавоше ... 550* (с постпозицией *са*, не вынужденной общими правилами) еще довольно редки.

В поздних берестяных грамотах ситуация уже иная: препозиция *са* сохраняется здесь в основном лишь в предложениях с местоимением (или местоименным наречием) в первой тактовой группе. Примеры: *не на цеме са кормити 765, а то са ведаю 616, а ъзо са кланею 344, да а са дивлю 622, а на мене се шли 25, какъ се, зѣдо, мною попецалукте 49* и т. п. Но и в этом случае вполне возможна также постпозиция *са*, например: *а азо тебе кланюся 147, а вамъ кланюся 708, како ли ты венилеса 30, а то дыалось на погостѣ на торгѣ 154* и т. п. В прочих случаях постпозиция *са* уже является нормой, например: *зандо, гѣе, не можемъ нищимъ кму оудобритиса 94*.

Особый синтаксический эффект, образующий своего рода “мостик” между препозицией и постпозицией *са*, состоит в дублировании *са*. Ранний пример *со зем(де ти хотаци са не [ц]ьтиса* 227 (XII₂) не совсем надежен (см. Б 68); более ясные примеры относятся к периоду XIV/XV – XV₁: *мнѣ са не можетса* 124, *а на вхыхъ се грозитьце у Ладогу звати* 359, *како са, ѿсподине, нами своими христианы попецалиши се?* 310, *а то са диялось седнѣ во Велики днь* 154. Первое *са* в этих фразах отражает старые правила, второе — более новые.

Важное свойство системы древнерусских энклитик состояло в том, что у целого ряда энклитик имелись полноударные синонимы. Такова синонимия типа *ми* – *мьнѣ* (в Д. падеже) и типа *ма* – *мене* (в В. падеже); см. § 4.12. Близкий к этому тип отноше- ний существовал также в парах *късмь* – *я*, *къси* – *ты* и т. д.; см. § 4.19.

Позднейшая эволюция этой системы, приведшая в конечном счете к ее распаду, определяется следующим основным событием: во всех случаях, когда у энклитики имелся полноударный синоним (включая пары типа *късмь* – *я*), из двух членов синонимической пары сохранилась только полноударная словоформа, а энклитика вышла из употребления.

Особенность энклитики *са* состояла в том, что в приглагольном употреблении (т. е. в ее основной функции) она никогда не заменялась своим полноударным синонимом *себе*. Например, если у *за са* имелся синоним *за себе*, то у *женити са* синонима **женити себе* не было. Поэтому в паре *са* – *себе* развитие не могло пойти по общему пути. Здесь оно было иным: *са* материально не исчезло, но срослось с глагольной словоформой (и тем самым перестало существовать как отдельное слово).

Дистантное расположение членов словосочетания

§ 4.31. В берестяных грамотах, равно как и в летописи, часто встречаются случаи, когда словосочетание оказывается разорванным: внутрь него вклинено слово (или группа слов), не подчиненное ни одному из членов данного словосочетания. Иначе говоря, нарушается так наз. принцип проективности (состоящий именно в том, чтобы такого вклинивания ни в каких словосочетаниях не было).

Самая частая причина нарушения проективности связана с действием закона Вакернагеля (§ 4.27): энклитики чисто механически вклиниваются между первым и вторым акцентно самостоятельным словом предложения, независимо от того, образуют эти два слова синтаксическое единство или нет. Отсюда возможность многочисленных непроективных фраз типа *того ти са късмь села отъступиль*.

Но проективность нередко нарушается и в других случаях, особенно в словосочетаниях типа «существительное + определение или приложение к нему». Примеры: *Жизнобуде погоублене оу Сычевиць новѣгородьске смърде* ‘Сычевичами убит Жизнобуд, новгородский смерд’ 607/562 (XI); *ажсе то лодиа присълана кыянина* 745 (XII); *възми оу Тимоце одиноу на десатѣ грив[ѣ]ноу оу Вьщина шурина* (‘у Тимошки, Войцына шурина’) 78 (XII); *въ волости твоєи толико вода пити в городицаньх* (‘в Городище, твоём владении’) Ст. Р. 10 (XII); *у Микитѣ исто в Нои у Юванова б кунци* 278 (XIV); *другую даль късемь Дмитру церенецю полотину* 689 (XIV); *которык христианы с Блова пришли за теба Захарка да Нестерке* (‘каковые крестьяне Захарка да Нестерко’) 310 (XV). Также из НПЛ: *Володимиръ иде на Къмь съ новгородьци сѣнь Ярославль* [1042]; *а сѣнь посади Новѣгородѣ Всѣволода на столѣ* [1117]; *ожениса Мьстиславъ Киевѣ, поа Дмитровьноу Новѣгородѣ Завидица* (‘взял [в жены] в Новго-

роде дочь Дмитра Завидича') [1122]; *и кнѣзь полотьскыи оумре Борисъ Всеславиць и Завидъ посадникъ новгородскыи оумре Дѣмитровиць* [1128] и множество подобных.

Во всех этих случаях порядок слов отнюдь не является для др.-р. языка аномальным. Скорее он даже должен рассматриваться как наиболее естественный для подобных фраз. Дело в том, что принцип проективности — это прежде всего норма литературной письменной речи (как ныне, так и в древнерусскую эпоху), тогда как в разговорной речи (и древней, и современной) приоритет обычно отдается другому принципу (который очень часто приходит в противоречие с принципом проективности): «вначале главная часть сообщения, затем уточнения». В соответствии с этим принципом прежде всего объявляется суть дела (без деталей), а все уточняющие слова образуют вторую, дополнительную часть высказывания, которая фактически представляет собой цепочку синтаксически не связанных между собой слов или синтагм (о соответствующей особенности современной разговорной речи см. Рус. разг. речь 1973: 380–393). Заметим, что подобное построение не предполагает обособления отнесенных в конец слов и никаких пауз перед ними нет. Обильно расставляемые в таких случаях издателями летописей запятые (например: *и Завидъ, посадникъ новгородскыи, оумре, Дѣмитровиць*) внешне приближают текст к современной литературной норме (где подобный порядок слов возможен только при обособлении, а в устной форме нужны короткие остановки), но отнюдь не соответствуют действительному членению древнерусской фразы.

Приведенные выше примеры относительно просты. В силу описанного выше принципа могут возникать и более сложные фразы, например: *Милоке, Женеге, Бѣдиша заплатили поло гривене Коростокине рала* 'Милко, Унег и Будиша, Коросткины [дети], заплатили полгривны поралья' 663 (XII). Аналогичный пример из летописи: *въ то ж лѣтѣ постави Твѣрдисла^в црковъ на воротѣхъ въ Оркажи манастири Михалковиць ст҃о Съмена Стѣлника* (НПЛ [1206]). В первом случае как бы “переплетены” синтагмы *Милоке, Женеге, Бѣдиша Коростокине* и *поло гривене рала*, во втором — *Твѣрдисла^в Михалковиць* и *црковъ ... ст҃о Съмена Стѣлника*.

ВОПРОСЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ СОЮЗОВ И ЧАСТИЦ

Бессоюзное соединение однородных членов

§ 4.32. В др.-р. языке, особенно в ранний период, довольно часто встречается бессоюзное соединение однородных членов (прежде всего существительных) в ситуациях, где в современном языке ставится союз *и*. Очевидно, древнейшее значение союза *и* было менее нейтральным, чем теперь; оно было близко к ‘а также’. Поэтому употребление союза *и* было излишне там, где совместность воспринималась как нечто нормальное, немаркированное.

Характерный частный случай — обозначение лиц, образующих некоторое естественное единство, например, братьев, родителей. Древний способ бессоюзного обозначения таких единств пережиточно сохраняется до сих пор в народном *отец-мать* ‘родители’. Примеры из старейших памятников показывают, что, например, братья перечисляются бессоюзно именно в тех случаях, когда они образуют некий естественный монолит, скажем, стоят во главе единого войска и т. п. (примечательно, что позднейшие переписчики уже обычно не чувствуют этого нюанса и добавляют от себя союз *и*). Вот несколько примеров из Ипат.: *Мьстиславица два Изаславъ, Ростиславъ* ([1144], л. 116 об.); *и съѣхавиша Изаславъ, Володимиръ Дѣдвича ...* ([1146],

л. 122 об.); *оу братоу моею оу Володимира, оу Изяслава хочю волости просити* ([1147], л. 126); *се доумаль есмь со браѣмъ своимъ Ростиславо^м и съ Володимиромъ, съ Изяславомъ Двѣдичема поити на стрыя своего на Гюрга* ([1147], л. 127 об.); *и призва к собѣ братью свою Юрослава, Игоря, Всеволода* ([1180], л. 216). Много таких фраз также в ПВЛ и в начальной части НПЛ, например: *Ярославици же трие Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ совокупиши воя, идоша на Всеслава* (Комисс. НПЛ [1067]).

Описанная особенность проявилась также в берестяных грамотах. В № 663 (XII₂) фигурируют *Милоке, Женеге, Бѣдиша ... Коростокине* (три брата — дети Коростки) и *Невиде, Касиа(не) Сморочѣва* (два брата — дети Сморча). Братья (в каждом из двух семейств) выступают как некоторое единство: в грамоте указаны суммы подати, которые они заплатили совместно. Аналогично в № 496 (XV₁): *Грихънѣ, Ваѣлко, Климентъикѣ Стехъно^в* ('Стехновы'). Кроме того, данную конструкцию можно предполагать во фрагменте № 409 (кон. XIII): *Ѡ Ѡларя (?), Ѡ Собыслава, Ѡ Саве ...* Возможно, сюда же относится *оу Сидора, оу Тадуа, оу Ладонги* 141 (XIII₂); но этот пример интерпретируется неоднозначно (см. В 22).

Заметим, с другой стороны, что в адресных формулах берестяных писем полностью бессоюзное (т. е. без единого *и*) соединение имен адресатов или отправителей не встретилось. Ср., например: *к[ъ] о[т]ъ[ч]еви и къ матери* 424 (XII), *къ женѣ и къ дѣтмъ* 156 (XII), *ко Демеану и къ Мине и къ Вануоку и къ въхемо вамо* 87 (XII), *Ѡ Акима и Ѡ Съмьюна* 735 (XII), *Ѡ Стѣпана и о ('от') матери* 350 (XIII), *к Доманцю и ко Ланнѣ и ко Еванѣ и к Олеѣ* 391 (XIV), *ко Юрью и к Миѣсиму* (к двум братьям) 370 (XIV). И даже синтаксическая модель *X, Y и Z* (с *и* только перед последним членом) встречается очень редко, например: *к сину к своѣму к Исаку [ко Оул]иану и к Тимофию* Ст. Р. 2 (XV).

Бессоюзное соединение тесно связанных понятий встречается, конечно, не только в сфере наименований лиц. Ср. пример из совсем другой сферы: *мои бои желѣза 'то, что я был бит и закован в кандалы'* (букв.: 'мое избиеение, оковы') 725 (XII/XIII).

Союзы, стоящие после препозитивного придаточного предложения перед главным

§ 4.33. Как известно, в древнерусском, в отличие от современного русского, в сложноподчиненном предложении главное предложение могло соединяться с препозитивным придаточным (относительным, условным или обстоятельственным) с помощью сочинительного союза.

Оставим временно в стороне тот особый случай, когда сказуемое придаточного предложения стоит в форме причастия (деепричастия), и рассмотрим общий случай.

В берестяных грамотах XI–XIII вв. в указанной синтаксической позиции как правило употребляется союз *а*, например: *али чимо есемо виновата, а восоли отроко* 644; *а ци цето ти товара надобе, а то восолю* 624; *пакы ли не оуправише того, а а та передамо сватее Богородице ко нее же еси заходили роте* 705 и т. п. (см. Лингв., § 65, где собран материал из берестяных грамот по № 614).

С начала XIV в. в предложениях такой структуры появляется союз *и*. Первые примеры — в грамоте № 142 (нач. XIV): *а четъ Ѡмьшѣ пришло, и вы имъ кѣне мѣи голубыи дайте ...; а не възме, и вы во стадь пустите*. Аналогично: *лихо ли вамо, добро ли, и Ѡ мо(ѣ)[м]о животе ... вамо наболи[т]иса* 622, *а цто рубль дать Игнату, и ты даи* 363 и т. п. (см. Лингв., § 65). В XIV–XV вв. конструкция с *и* становится основной, между тем как конструкция с *а* почти исчезает (она отмечена только в грамотах № 242, 311, 519/520, 538, 754).

Гораздо реже, чем *a* и *и*, в указанной функции встречается союз *да*. От *a* он отличался, по-видимому, более ярко выраженным значением противительности; ср. в особенности: *не хочещи ли — да а боле не могу водати* (и) 'если же не хочешь, так я всё равно больше дать не могу' Твер. 1 (XII/XIII). Прочие примеры: *али еси не продалъ, да прис[ъли ли](цѣмъ)* 732 (XII₂); *(али не) въда, да пристави отрокъ* 947 (XII₂); *се [ли не] ѡдасте, да со изросты водасте* 483 (XIII₂); *чьа ти есть корова, да молови емѡ* (букв.: [тот], чья у тебя находится корова, — так скажи ему') 8 (XII/XIII).

В грамотах № 798 (XII), 344 (XIV) и Твер. 2 (XIV) в аналогичной функции использован редкий союз *ти*.

Наряду с названными сочинительными союзами, в рассматриваемой синтаксической позиции в берестяных грамотах используется, правда, не очень часто, также подчинительный союз *то* (как в современном языке), например: *аже бы ти годѣнь, то [из] оцью бы са вытьрьго притькль* 752 (XI/XII); *оже же еси продала, то въдаи се-моу дѣтъскамоу* Ст. Р. 8 (XII₁) и др. Также с дополнительным *же*: *а[ч]е ли ти, брат[ъ]е, вины л[ю]дѣ на ма не ищѣ[тъ], а до[вѣд]ок[а] бѣд[е], то же нынеца радъ быхъ послале [грам]о[мѣ]* 724 (XII₂). В нескольких грамотах конца XIV–XV в. (№ 363, 352, 19) в том же значении встретилось *ино*, например: *да цо бѣ ти година ѡт[ъ]правити ѡтъцу, ино бѣ добро* 19.

Разумеется, главное предложение может быть введено и без помощи какого-либо союза, например: *аже то лодиа присълана кыанина, обѣсти ж кѣназоу* 745 (XII₁), *а кодъ ти мѣ хлѣбъ, тѣ и тобѣ* 731 (XII₂). Примечательно, однако, что в берестяных грамотах XI–XII вв. такие примеры весьма редки. Они становятся обычными лишь в XIII–XV вв.

См. также в следующем параграфе о возможности связывания придаточного предложения с главным с помощью не союза, а частицы.

Союзы и частицы при причастных (деепричастных) конструкциях

§ 4.34. В др.-р. языке конструкции с причастием (деепричастием) не отделены никакой принципиальной гранью от придаточных предложений: при построении тех и других используются одни и те же союзы и частицы. Поскольку, однако, в этом пункте др.-р. язык отличается от современного, полезно рассмотреть соответствующий материал отдельно.

Древнейший тип оформления препозитивной причастной конструкции состоит в том, что следующее за этой конструкцией главное предложение содержит частицу *же*, которая играет роль “скрепы”, связывающей эти два компонента. Таковы: XII — *продавшие дворъ, идите же сѣмо* 424; *тьрьпесаво на харо[ти]ю, посьли жь* 831; *съкопивши вѣверь...*, (дър)[ъ]жи же 380; *привед(-)[а] его, даи же передъ Мареною* 849; *избивъ роукы, поустилъ же ма* 9; *а и заемоши, моги же водати* 227; (п)родаво [о](ле)ниноу, оуцини же погрѣбание чърнеческое 681; *створа добрѣ, възма поцостое, поид[и] ж(е)* Ст. Р. 17; *добрѣ же створа, ни в Ошевѣ прави же лоньскою гривною* 788; нач. XIII — *добыво серебра, присоли же* 436. Также в соединении с союзом *то*: *ола же възьмъ сержбро, то же даи бобры* 420 (сер. XIII). Относительно неоднозначного примера *възьмши, въдаже* (или *въда же*) *прочъ людѣмъ* 119 см. А 23.

Та же “скрепа” *же* возможна и после обычных препозитивных придаточных (относительных и условных). В берестяных грамотах она отмечена в составе сочетания *то же* (имеющего тенденцию к превращению в отдельный союз; см. пример из грамоты № 724 в § 4.33) и в примерах (XII в.) *кетъ ти бъръже поидеть въ гъръдъ,*

к(ѣ) тѣмоу же пристави кѣне 891; ажь хоцьши, во брозѣ зь сѣдь бѣди 731; ож[е] (т)[и] съв[ѣ]р[ѣ]ж[е](тъ) Шишакъ рало, послаи же ... 805; а отрок(ѣ) оже ти Шишакъ гонить, посади же въ Радько[ѣ] (ѣ) [ѣ]ежѣкѣ 805.

В грамотах ранне-др.-р. периода иногда встречается также другой способ соединения препозитивной причастной конструкции с главным предложением — с помощью союза *а* (т. е. такой же, как для обычных придаточных): *оже ти Сѣѣна не поуста, а присъли* 912 (XI₂); *а нынѣ вода новоую женоу, а мнѣ не въдасть ничьто же* 9 (XI₂); *оже ти приеда вѣрьши, а водаи ...* 82 (XI₂); *а оу Ѡвдокъ обруць ее водадѣ, а свое възьму* 723 (XI₂).

Наряду с *а*, здесь возможно также и *и* (но не в значении 'то', как в поздне-др.-р. примерах из § 4.33, а в своем основном значении): *се Жадѣке пославъ ѡбетника дова, и пограбила ма въ братни долгъ* 235 (XI₂); *а нынѣца Ѡедео прѣхаво, оуслышаво то слово, и выгнало се(с)троу мою* 531 (XI/XIII).

Изолированно стоит пример с союзом *та*: *а се ти хочоу коне коупивъ и кѣнажъ моужъ въсадивъ, та на съводи* 109 (XI/XII; возможно, грамота неновгородского происхождения).

В грамотах XIV–XV вв. перечисленные выше модели более не встречаются. Но на их месте появляется новая модель — с союзом *да*: *и посадничѣ люди землю пограб, да росокладеную межю содрал[е]* 698 (XIV); *по тому Ѡпознавъ, да отадбѣли* 135 (XIV/XV); *и тѣ (тѣ) саме ѡпразновавъ, да пождѣ сѣмѣ* 19 (XV₁).

Во все периоды возможно также и бессоюзное соединение препозитивной причастной конструкции с главным предложением, например: *согадаво со Вое(с)лавомо, молови емоу* 531 (XI/XIII); *а в Торжсокѣ прихавъ, кони корми добрымъ синомъ* 358 (XIV). Но оно встречается не очень часто. Бессоюзное соединение характерно в основном для случая, когда причастная конструкция сводится ко всего одному полнозначному слову (приближаясь тем самым по функции к наречию), например (XII в.): *не распрашавъ розгнѣваса* 605, *крѣвоши присоли* 731, *шьдоши воземи* 227. Только такое соединение возможно при адвербиализованных выражениях *сѣтворѣ добрѣ* 'пожалуйста' и *како стою (око стою)* 'немедленно'.

Что касается постпозитивных причастных конструкций, то они во все периоды присоединяются к главному предложению чаще всего бессоюзно, например: *ты же ма и потени, не зера на Ѡедора* 531 (XI/XIII); *да иди с Обросиемъ къ Степану, жеребиши возма* 354 (XIV). Но возможно также и присоединение с помощью *а*: *оже оно поехало проце, а река тако* 531 (XI/XIII); *а ѡзо ти на поути, [а] о[ур]ек[ѣ] воземо* 436 (нач. XIII); *а, како досъво, буду, а борь[ѣ] оставиво* 68 (XIII₂); *а еще мене зазва(тъ) ---родѣ, а рка такъ* 697 (XIV₂). Сюда же примеры более сложной структуры: *или еси не исправиль, а исправи, и кланюся, а дѣцькии приима* 615 (XIII₂) (см. В 28); *те побегли, а коне не ведаю з[д]ѣ поимавоши* 582 (XIII/XIV).

Частица *то* как релятивизатор

§ 4.35. Частица *то* могла выступать в др.-р. языке в роли релятивизатора, т. е. превращать вопросительное местоимение или наречие в относительное; кроме того, она могла добавляться к *иже*, *кѣже*, которые и без того имели относительное значение. См. об этом Зализняк 1981.

Берестяные грамоты содержат значительный материал по этой теме (все грамоты, в которых встретился релятивизатор *то*, относятся к периоду не позднее 1 пол. XIII в.). Приводим этот материал.

В соединении с *что*: *про ту тажю про реку, про что то послале Негане ѿ княза и ѿ тебе* 600 (XIII₁). Находка (в 1982 г.) грамоты № 600 показала, что описанная в работе Зализняк 1981 замена *что то* простым *что* была неповсеместной или факультативной.

В соединении с *иже*: *ежь то [т]и есьмь послала (!) 3 резане Михальви на повои* ('что касается того, что я послала ...') 682 (XII₂); [*бьль 18 сьр*]ъ[ч]ьвъ, *ижь ть ти* [ʃ]т[а]ил[ь въ] *Оньюоу, 8 Ньжьска ти есте* 683 (XII₂); *иже то ти розроубиле* Ст. Р. 12 (XII₁); также *иже(е) то* во фрагментах № 899 (XII₁) и 233 (XII₂).

В соединении с *коли*: *коли то еси приходиле в Роус[б] сь Лазь(в)къмь, тьгьдъ възале оу мене Лазьвке Переяслав[б]тѣ* 105 (XII₂).

В соединении с *яко*: *яко то есмы выдали ...* 872 (XII₁).

Находки 1992 г. принесли два примера соединения *то* с союзом *аже*: [*а*]же *то* [*на*]мь възале еси Павльовъ ('если ты взял ...') 736а (XII₁); *аже то лодиа присълана кыянина* 745 (XII₁). После этого стало ясно, что единичное *аже то* 'если' в Вопр. Кирик. (*аже то, рече, взрючютьса*, ст. 16) — не ошибка и что сочетание *оже то*, представленное в *оже то кси казале Несьдѣ вѣверичь тихъ дѣла* ('что касается того, что ты говорил ...') 105 и в ряде примеров из других памятников, тоже может рассматриваться как результат присоединения *то* к союзу (а не местоимению) *оже*.

Имеется также пример соединения *то* (усиленного вдобавок частицей *ти*) с союзом *ачи*: *ачи то ти почьне п[б]нати* 'если же начнет тянуть время' 820 (XII₂).

Релятивизирующая частица *то* была энклитикой (в отличие от местоименной словоформы *то*, которая была энклينوменом); особенно показательна в этом отношении ее позиция во фразах *оже то кси казале* 105, *коли то еси приходиле* 105. Но эта энклитика не входит в число рассматриваемых в § 4.27, поскольку она относится не к сказуемому.

Примеры использования релятивизирующей частицы *то* в других др.-р. памятниках можно найти в работе Зализняк 1981. К содержащемуся в ней собранию примеров полезно, впрочем, добавить еще некоторые: *боудеть ли лѣпо кръстити са томоу, иже то са е пѣськъмь кръститъ* (Син. пат., л. 122 об.); *много бо того въ насъ, имь же то ниѣмь* (вместо *инѣмь*) *не зазиракъмь* (Изборник 1076 г., л. 63 об.); и *ре^ч Володимеръ*: «дивно ми (исправл. по Радзивил., в Лавр. има), дружино, *оже лошади* (исправл. по Ипат., в Лавр. лошади^н) *жалуете, юю же то ореть, а сего чему не промыслите, оже то начнетъ ѡрати смердъ ...*» (ПВЛ по Лавр. [1103]; сразу два примера — *юю же то* и *оже то*); *около Медвѣжьсе голове ..., гдѣ то не бывали отци и дѣди* (Пск. 3 лет. [1343], Строевский список); и *новгородци же тѣх посадников и боярь и животь пограбили и дворы ..., котори то такъ чинили* (там же, [1477]).

Особенно интересны примеры редкой модели, которую можно было бы обозначить как *жего то* (или **и то*), где *то* не добавляется к *же*, а заменяет его. Важнейший из таких примеров указан А. А. Шахматовым (1957: 182 и 316): *и тѣ стѣши Георгши, оу него то* ('у которого') *ѡтимають* в Мстиславовой грамоте. А. А. Гиппиус обнаружил другой подобный пример в Лобковском прологе 1262 г. (или 1282 г.; ГИМ, Хлуд. 187, л. 78): *въ вѣрѣ въ неи то ксме, к той же цркви ходимъ* (ср. обычный текст в прологе ГПБ, Соф. 1324, л. 247 об.: *въ вѣрѣ въ неи же ксмы, къ той цркви ходимъ*). Эквивалентность ц.-сл. текста *въ неи же ксмы* и народного *въ неи то ксме* здесь исключительно наглядна. К этому же ряду принадлежат примеры с союзами: *аже ли мнѣ, то на воду, оли то* ('если') *до дву гри^в* (ПР, ст. 22 по "Мерилу Праведному" XIV в.); *оли то буду грѣ^х створилъ ...* (письмо Мономаха к Олегу —

Лавр., л. 84); *накы ли хоцещи на мое старшишньство поѣхати, яко то еси поѣхаль, да Бѣ за всимь* (Ипат. [1151], л. 155 об.–156); *ако то сѧ суть воротили, поѣдемы по нихъ* (там же, л. 156 об.).

Относительно возможности употребления в функции релятивизатора также другой частицы, а именно, *ти*, см. § 4.37. Кроме того, в данной функции, по-видимому, иногда могло употребляться еще и *се*, ср., в частности, в Вопр. Кирик. *иже се* (Саввино 12, 13), *оже се* (Ильино 16), *аже се* (Саввино 12); аналогично и в некоторых других памятниках; но в берестяных грамотах таких примеров не встретилось.

Частица *же* в отрицательных местоимениях

§ 4.36. Берестяные грамоты содержат очень ценный материал по исторической эволюции отрицательных местоимений и наречий, а именно, они наглядно демонстрируют картину смены древней модели *ничѣто же* новой моделью *ничѣто*.

В ранне-др.-р. период представлена только модель *ничѣто же*: *ничѣто же* 109 (XI/XII), *ничето же* 644 (XII₁), *ничѣто же* 9 (XII₂), *ничимъ же* 725 (XII/XIII), *ни[цего] ж[е]* 651 (XII/XIII).

В XIII в. отмечены: *ничимо же* 708 (сер. XIII), *никому же* 412 (посл. треть XIII), также фрагмент (*нич[ето] же*) 924; но уже появляется первый пример новой модели — *никому* 198 (посл. треть XIII).

В XIV–XV вв. представлена уже только модель *ничѣто*: *ни на кого* 3, *никому* 520, *ничимъ* 94, 520 (все грамоты — рубежа XIV и XV вв.). Таким образом, смена моделей приходится примерно на последнюю треть XIII в.

Материал берестяных грамот ясно показывает, что модель *ничѣто же* не была, как это иногда предполагают, чисто церковнославянской. Книжную окраску эта модель приобрела не ранее XIV в., т. е. лишь после того, как в живом языке частица *же* в отрицательных местоимениях и наречиях утратилась.

С описанной картиной достаточно хорошо согласуются показания других памятников. Насколько можно судить по материалам словарей, ранее последней трети XIII в. в памятниках всех жанров — от церковных книг до пергаменных грамот — встречается в сущности только модель с *же*: *никѣто же*, *ничѣто же*, *никыи же*, *никакыи же*, *никоторыи же*, *никъде же*, *никуда же*, *никамо же*, *ниотъкуду же*, *никъгда же*, *николи же*, *никако же* и др. Единичный пример *ничьсого бо иногю не обрѣтитиши* (Изборник 1073 г., л. 175 б) едва ли может о чем-либо свидетельствовать (тем более, что это ц.-сл. текст). Во фразе *не ѡстал бо сѧ башеть оу ни^x никаковъ князь* (Лавр. [1154], л. 115) слово *никаковъ* явно принадлежит переписчику: он поставил его взамен первоначального *ни одинъ*, сохраненного в Радзивиловском и Академическом списках.

В ярлыке Менгу-Темира 1267 г. отмечены *ничимъ*, *никоторая*, *-ые*, *-ыхъ* (см. Срезн., статьи *ничѣто* и *никоторыи*); но, к сожалению, это свидетельство не вполне надежно, поскольку документ сохранился лишь в списке. В XIV в. формы без *же* представлены уже во многих пергаменных грамотах; ср., например, *ничимъ* в завещании Ивана Калиты 1339 г. При этом, разумеется, в таких грамотах еще долго встречаются и старые варианты (с *же*).

Показательны материалы смоленских грамот XIII–XIV вв. В оригинале договора 1229 г. (1229 А), а также в списках Е (XIII₁), D (1270–77 гг.) и С (XIV₁) выступают только формы с *же*: *никто же*, *никому же*, *ничего же*. Но уже в списке В (1297–1300 гг.) на фоне форм с *же* один раз встретилось *ничего* (строка 134). В списке F

(сер. XIV) встретилось *никою* (строка 246). В грамоте князя Юрия Святославича 1386 г. примеров с *же* уже нет; находим здесь лишь *никоторымъ вереманемъ а никоторымъ дѣломъ*.

Специально отметим, что сочетание *ни одинъ* не входило в число отрицательных местоимений и не требовало частицы *же* (таким свойством обладали только слова с *к-*, т. е. производные от и.-е. **k^wo-*, **k^wi-*). Ср., например: *не дайте Савѣ ни одного песка хотя на нихъ емати* 724 (XII₂). Однако в силу семантической близости к *никоторымъ же*, *никымъ же*, *никыто же* сочетание *ни одинъ* могло по аналогии с ними получать *же*. Такие примеры имеются не только в книжных текстах, но даже и в пергаменных грамотах, ср. *ни ѡдиномуу же роусиноу* (Смол. дог. 1229 А, 67) и т. п.

Частица *ти*

§ 4.37. В ранних берестяных грамотах очень часто встречается частица *ти*. Эта частица была известна всем др.-р. диалектам, но в др.-новг. диалекте она была распространена особенно широко. Подробный анализ частицы *ти* с примерами из различных памятников см. в Изуч. яз., § 76–78; здесь мы лишь перечислим ее основные употребления, проиллюстрировав их некоторыми примерами из берестяных грамот.

В свободных (т. е. не связанных с соседством тех или иных конкретных словоформ) употреблениях частица *ти* выступает прежде всего как своего рода “усилитель индикативности”: она подчеркивает, что факт имеет место, и указывает на его значимость для адресата речи. Это значение может быть приблизительно передано так: ‘обращаю твое внимание на следующий факт’. В соответствии с этим своим основным значением, частица *ти* имеет характерное синтаксическое ограничение: она не сочетается с императивом.

Указанное основное значение четче всего проявляется в первой фразе текста, в частности, в первой фразе письма (т. е. сразу после адресной формулы). Примеры: *то ти есмь дале Савѣ* ‘вот что я дал Савве’ 384 (XII); *Гюрег[и ти д]ошьле сторове* ‘вот Гюргий дошел благополучно’ 165 (XII₂); *а женоу ти били, не измоучили чего же?* ‘а вот женщину-то били, почему же не поставили [ее] на пытку?’ 155 (сер. XII).

В не первой фразе текста *ти* может либо просто сохранять свое основное значение, либо приобретать небольшой дополнительный оттенок противопоставления (‘что же касается ..., то’). Примеры: *оже ти не возало Матее капи, воложи ю со Прусомо ко мне, азо ти олово попродаде ...* ‘если Матей не взял у тебя капь [воска], то отправь ее с Прусом ко мне, а я (= а что касается меня, то я) олово распродал ...’ 439 (XII/XIII); *а ныне ка посьли къ томуу моужеву грамотоу ..., а се ти хочоу ...* ‘а ты теперь пошли к тому мужу грамоту ..., а я вот что хочу ...’ 109 (XI/XII).

Другой контекстно обусловленный дополнительный оттенок, который в этом случае может приобретать частица *ти*, — причинный. Примеры: *продавше дворъ, идите же сѣмо — Смольнску ли, Кыевоу ли: дешеве ти хлебе* ‘продавши двор, идите сюда — в Смоленск или в Киев: дешев [здесь] хлеб’ 424 (XII₁); *присъли ми гривнѣ, а Давыдъ ти ми не въдалъ* ‘пришли мне гривну: Давыд-то ведь мне не дал’ 664 (XII₂); *братъ, попецалиса о мне, хожю ти наго* ‘брат, позаботься обо мне: хожу ведь голый’ 765 (XIII₁).

Аналогичным образом может возникать контекстно обусловленный оттенок следствия; напр.: *а не присълеци ми полоу паты гривны, а хоцоу ти вырути въ та лоуцышаго новъгороджанина* ‘если же не пришлешь мне четырех с половиной гривен, то я собираюсь за твою вину конфисковать товар у знатнейшего новгородца’ 246 (XI).

В несвободных употреблениях, т. е. в сочетании с определенными лексемами или словоформами, собственное значение частицы *ти* может несколько модифицироваться или затемняться. В несвободных употреблениях частица *ти* в части случаев выступает в усеченной форме *ть*.

Сочетания *нѣту ти*, *нѣ ти*, *надобѣ ти* имеют тенденцию к превращению в единые слова (в результате которого *ти* уже не отделяется и более не подчиняется закону Вакернагеля). Пример: *а жеребен нѣтоуть ни коунамъ ни верши* 322 (нач. XIV).

Сочетания *то ти* и *се ти* могут вести себя как свободные; но в части случаев в них всё же проявляется тенденция к устойчивому объединению и идиоматизации. Так, *то ти* (*то ть*) может означать ‘то’, ‘тогда’, ‘в таком случае’ (в этом случае частица *ти* имеет просто усилительное значение), но также ‘итога’, ‘вот сколько’, например: *дѣвѣма дѣсѣтьма зрѣвь безъ гривьнѣ на[м]ѣ по 7) рѣзанъ дѣвое — то ти 5 гривьнѣ и 8 кѣнѣ* ‘на 19 гривен двойные проценты [по 7] резан — итога 5 гривен и 8 кун’ 293 (сер. XIII).

В сочетании с условными союзами (*оже*, *аже*, *аче*, *али* и др.) частица *ти* первоначально имела усилительное значение (скажем, *оже ти* — ‘если в самом деле’, ‘если всё-таки’). Но это значение в дальнейшем отчасти стирается; ср., например: *ожь ти нь бѣжали колобязь* ‘если колбяги не бежали’ 222 (нач. XIII).

Особый случай составляет употребление *ти* после относительных местоимений и наречий (как типа *иже* и *иже то*, где возможна только относительная функция, так и типа *что*, где возможна относительная и вопросительная функция). Усилительное значение, свойственное частице *ти*, в этом случае оказывается “направленным” на относительную функцию местоимения или наречия; тем самым *ти* приближается здесь по функции к релятивизатору (см. § 4.35). Примеры: *ежь то [т]и есьмь послала* (!) ... ‘что касается того, что я послала ...’ 682 (XII₂); *прашаи его, кодь ти на господь вѣтаеть* ‘спрашивай его, где он стоит на постое’ 502 (XII₂); *а кодь ти мнѣ хлѣбъ, тѣ и тобѣ* ‘а где мне хлеб, там и тебе’ 731 (XII₂).

Наконец, наиболее специфическое развитие частица *ти* обнаруживает в сочетании с *да* и *а*: *дати* (*дать*) ‘пусть’, ‘чтобы’ (см. § 4.38), *ати* (*ать*) ‘пусть’, ‘если’. Здесь происходит полное сращение двух элементов в единое слово (для *ати* — в очень раннее время, для *дати* — после XII в.).

В берестяных грамотах свободные употребления частицы *ти* ограничены в основном XI–XII веками. После XII в. самостоятельное употребление частицы *ти* постепенно угасает; сохраняются лишь слитные единицы с ее участием (*нѣтуть*, *дать* и др.).

Частица *и*

§ 4.37^a. В берестяных грамотах и в других древнерусских памятниках встречаются некоторые недостаточно изученные употребления частицы *и*.

Важнейшая синтаксическая особенность, отличающая древнерусскую частицу *и* от современной, состоит в том, что эта частица в принципе могла ставиться внутри группы, к которой она относится (а не перед ней). Иначе говоря, она могла выступать не только в роли проклитики, как теперь, но и в роли энклитики, причем такой, которая присоединялась к первому члену группы (как, например, современное *то* в *наш-то Иван* и т. п.). Сами значения частицы *и* при этом могли быть различными. Большинство из них существует и поныне; но некоторые свойственны только древнему языку.

Примеры с обычными и для современного языка значениями частицы *и* (в частности, близкими к 'также', 'даже'): *присъли же мою ї малю нитокж* 'пришли же и мою малую нитку' 776 (сер. XII); *по днехъ^ж и сихъ видѣ Сарра* 'и после этих дней увидела Сарра' (псковская палея 1494 г., л. 105, см. Каринский, с. 33); *Аже дѣиши: «Ты мой еси бѣць», — а ты мой и сѣнь* 'Если ты говоришь: «Ты мой отец», — то и ты мой сын' (Ипат. [1150], л. 152); *Гюрги намъ кѣзь и свои* 'Юрий для нас и [есть] собственный князь' (Ипат. [1149], л. 139).

Приведем также хороший пример такого же *и* в старославянском: *ѣлж вамъ ѣко цркѣве і болши естъ съде* (Зогр. ев., Мт. XII.6; так же и в Мар. ев.: *цркѣве і болеи*). Усилительное *и*, столь уместное здесь по смыслу, появилось под пером Кирилла: в греч. оригинале $\lambda\epsilon\upsilon\omega\ \delta\epsilon\ \iota\mu\iota\nu$, $\delta\tau\iota\ \tau\omicron\upsilon\ \iota\epsilon\rho\upsilon\ \mu\epsilon\iota\zeta\omicron\nu\ \epsilon\sigma\tau\iota\nu\ \acute{\omega}\delta\epsilon$ никакого эквивалента этого *и* нет. Древний перевод сохраняется, например, в Мстиславовом ев. (*цркѣве и болж*, л. 36а), в Милятином ев. (*цркѣве и боле*, л. 23а). Но в Добролювом ев. находим уже другой порядок слов — такой же, как в современном языке: *ѣлю же вамъ ѣко и цркѣве болж естъ съде* (л. 54б). В поздних переводах, заново сверенных с греческим оригиналом, *и* вообще устранено; ср., в частности, *ѣко цркѣве боле естъ здѣ* в Острожской библии, *ѣко цѣркве болѣ естъ здѣ* в синодальном переводе.

Проще построены такие фразы с усилительным *и*, как, например, *бѣше бо и не твърдо вѣроуя къ сѣтѣма* (Усп. сб., 20г), *а водае и Бога дѣла съ 5 гривь(нѣ)* 296 (посл. четв. XII; см. Б 110).

Особое значение древнего *и* — близкое к 'то есть', 'а именно'. Более эксплицитно его можно представить так: *X и Y* — 'X, что есть также Y', 'X, он же Y'. В современном языке частица *и* этого значения уже не допускает. Ныне оно может быть приблизительно передано, в частности, частицей *то* (например, *Иван, друг-то мой*, и т. п.). Примеры (часть этих и последующих примеров указана А. А. Гиппиусом): *ѡмоли Вонѣзда шюрина и моего оти выволоци доскѣ* 'проси Внезда, шурина-то моего, пусть вытащит доски' 82; *и сътояше въ прабоинахъ въ черевыхъ и въ протоптанныхъ ѣко примѣръзнаше нози ѣго къ камени* 'и стоял в башмаках, в черевиках-то протоптанных, так что примерзали ноги его к камню' (Ипат. [1074], л. 72).

Значение, близкое к 'а именно', имеет также *и* во фразе: *добре известно изъ двѣа и Мрїа Гь по плоти мѣтри роу^дслови^м* (псковская палея 1494 г., л. 401об., см. Каринский, с. 34). Можно указать также ряд примеров, где *и* отчетливо значит 'он же': *Того же лѣта преставися Водовикъ и Внѣздъ, посадникъ новгородчкши, в Черниговѣ* (Комисс. НПЛ [1231]; в Синод. НПЛ *и* отсутствует); *тогда Володимеръ и Мономахъ пилъ золото^м шоломомъ Донъ* (Ипат. [1201], л. 245); *дѣду его Володимеру и Манамаху* ("Слово о погибели русской земли"); *Андрѣи же и король* 'король же Андрей' (Ипат. [1205], л. 246 об.).

Некое ослабленное значение *и* (близкое к частице *вот*) можно предполагать в примере: *а даю животное свое получение жене и своей Федосы в одерень* (Мар., № 14, поздний список с псковской духовной грамоты XIV–XV вв.). Слово сочетание *жене и своей* совершенно сходно с *шюрина и моего* из № 82.

Союзы *дати (дать)*, *добро*, *зангдо (зангда)* и некоторые другие

§ 4.38. Особого упоминания заслуживают некоторые малоизвестные союзы, используемые в берестяных грамотах.

Союз *дати (дать)* 'пустить', 'чтобы'. Этот диалектный др.-новг. союз возник в результате слияния *да* 'пустить' с частицей *ти* (см. выше). В XII в. слияние, по-видимо-

му, еще не произошло: *ежь то [т]и есьмь посълала (!) 3 резане Михальви на повои, да же ти въдаль* ‘что касается того, что я послала Михалю три резаны на повой, то пусть он отдаст [повой]’ 682 (XII₂); *молю ти сѧ, госпоже ка моѧ, да посъль во борожь и рыбиць выдаль ти* ‘прошу тебя, госпожа моя, пусть он поскорее выдаст соленье и [свежих] рыбок’ (там же). В этих фразах *да* и *ти* еще разделены другими словами.

В эту эпоху свободное сочетание *да же ти* встречается не только в значении ‘пусть же’, но и в значении ‘если’ (как известно, значения ‘пусть’ и ‘если’ часто выражаются одними и теми же средствами); ср.: *да же ти ми боудете дъбр[о], (а) присълоу ти ...* ‘если у меня будет все хорошо, я пришлю тебе ...’ Смол. 12 (XII₁).

На этом фоне в ранних примерах: *обѣсти ж кнѧзюу, да ти не боуде присловѧ ни тобѣ ни Павѣлови* ‘сообщи о ней (о ладье) князю, чтобы не было худой славы ни тебе, ни Павлу’ 745 (1 четв. XII) и *а боуде сторовѣ князь, да тѣ да о васъ промыслимь* ‘а если князь будет здоров и благополучен, то и о вас позаботимся’ 852 (2 четв. – сер. XII в.) — сочетания *да ти*, *да тѣ* тоже естественно расценивать как отдельные. (Слитное написание *дати*, *дать*, применяемое нами в тексте указанных грамот, — в данном случае условность, принятая лишь для того, чтобы не отделять эти примеры от *дати*, *дать* в более поздних грамотах.)

Заметим, что сочетание *дать да* (= *да тѣ да*) в № 852 выступает как особый сложный союз (ранее неизвестный); исходное значение ‘пусть’ у *да тѣ* здесь несколько завуалировано, но оно все же присутствует (приблизительно: ‘пусть-ка мы тогда и о вас позаботимся’).

В грамотах XIII в. примеров пока нет. В XIV в. мы находим уже единое *дати* (*дать*), причем господствует именно сокращенный вариант *дать*. Материал XIV–XV вв. (приводим лишь придаточные предложения, полные фразы см. в “Текстах”): *дати бы дати коуны на Пѣтровѣ днѣ* ‘чтобы дать деньги в Петров день’ 389 (XIV₁); *дате <дать> сѧхѣ не кладе* ‘чтобы он не запрягал [коня] в соху’ 142 (нач. XIV); *дать ми розумно* ‘чтобы мне было понятно’ 53 (XIV₁); *дать грамотѣ не дасть на него* ‘чтобы грамоту [о закабалении] не давал на него’ 5 (XIV₁); *дате <дать> не поверже гозбе* ‘чтобы он не бросил торговли’ 567 (XIV₂); *дать ... не гнеж* ‘чтобы не гнил (об урожае)’ 361 (XIV/XV); *дад бы (из дать бы) хорь не попортиль* ‘чтобы моль не испортила’ 413 (XV₁).

Союз *дати* (*дать*) выступает в нормальном случае в сочетании с презенсом (*дать не кладе*, *дать не дасть* и т. п.). Модификациями такого сочетания являются примеры, где опущена связка: а) типа *дать ми розумно* — как результат трансформации исходного **да ти ми жсть розумно* (см. об этом также Г 13 и Лингв., § 68); б) типа *дати въдале* — соответственно, из исходного **да ти жсть въдале* (см. об этом также Б 84). Но этот союз может сочетаться и с *бы*; отсюда возможность конструкции с сослагательным наклонением (*дать бы не попортиле*) и с инфинитивом (*дати бы дати*).

Примеры с союзом *дать* из других источников (прежде всего из Фенне) см. в Лингв., § 67. Добавим к ним несколько примеров из Новороссийского списка (посл. четв. XV в.) Новг. IV лет.: *посли, дать Всеслава блюдоуть* ([1068]; ср. в Комисс. НПЛ *да блюдут Всеслава*, в Акад. НПЛ *ать Всеслава блюдутъ*); *да пусти Василка сѣмо, да^Г кормимъ и здѣ* ([1100]; в Радзивил. и Академич. списках ПВЛ тоже *дати кормимъ сдѣ*; в Лавр. — *да жего корми^М сдѣ*); *а повѣлита ми, дать шедѣ оплачу гробѣ его* ([1154]; ср. в Лавр. *ать шедѣ оплачу*, в Радзивил. *ать шедѣ оплачу*). В том же Новоросс. списке (Новг. IV лет., с. 627): *старѣи добрѣ помнятъ, како было пѣри великомъ*

князи и при матери его, дать ('пусть же') вспоминають молодымъ, а молодыи великого послушаите и держите (из поучения митрополита Петра князю Дмитрию).

Союз *добро* 'пусть', 'чтобы'. В берестяных грамотах он встретился только один раз: *цо бѣ ꙗси прислалъ восъку да мѣла <мы-> да Овьцини, добро {сошьк} по шубѣ сошькѣмъ* ('чтобы мы себе сшили по шубе') 129 (XIV/XV). Но он часто встречается у Фенне. Союз *добро* (в этом своем значении) синонимичен союзу *дать* и употребляется в тех же синтаксических условиях. В XIV–XVII вв. в новгородско-псковской зоне старое *дать* постепенно вытеснялось более новым *добро*. Разбор союза *добро* см. в Лингв., § 68.

Союз *заньдо (заньда)* 'потому что'. В настоящее время известно восемь примеров этого редкого диалектного союза (четыре из них — в берестяных грамотах).

Вариант *заньдо*: *биють целомъ крѣтъяне гѣу Юрию Онцифоровицю О клоцникѣ, зандо, гѣе, не можемъ ницимъ ѣму оудобритиса* ('потому что не можем ничем ему угодить') 94 (XIV/XV); *приказываю О статокко свои ... своѣму Максиму, зандо ѣсмъ пуста* ('потому что я бездетна') 692 (1 четв. XV); ... *ѣго не даваі, заньдо оузати то ...* 534 (XIV₂; фрагмент); ..., *зандо Новгороду и заморьци с нѣмѣчкими купьци миръ ѡпришьниши и грамотѣ ѡпришьниши* 'потому что у Новгорода с заморскими немецкими купцами имеется отдельный мир и отдельные грамоты' (список А Нибурова мира 1392 г.; подробнее об этом примере см. Изуч. яз., § 79); *а имите вероу сеи нашей грамоте и печати, зандо же тыи люди ... томоу Никоноу племеньники* (грамота Пскова Колывани, 1418–19 гг., см. Д 41); *а по городамъ его не шлите цресь сю исправу, зандо брату нашему Данилѣ в тыхъ ѣздехъ оубытка много* (грамота Новгорода Риге, Хрест., № 39; по В. Л. Янину, 1422–23 гг.).

Вариант *заньда*: *того же дѣла написахъ, заньда не было оу мене брата ни сѣоу* (Завещ. Клим., 1250-е гг.); *оже есте не стороговале, то прислите со проста, занода оу насо коупла есте беле* Пск. 6 (сер. XIII).

Подробнее о союзе *заньдо (заньда)* см. Лингв., § 69 и Изуч. яз., § 79.

Из прочих редких союзов, встретившихся в берестяных грамотах, следует отметить: *абьно* 'коль скоро', 'если', *ала* (и *ола*) 'или же', 'а иначе', 'в противном случае' (№ 890 и 524); *ати но* (*ать но*, средне-др.-новг. *атно*) 'если', 'если же' (№ 318 и Ст. Р. 7; см. также Лингв., § 70); *ать ти* 'ан', 'но', 'однако же' (№ 907); *даче* 'если' (№ 724); *око* 'как', 'что', 'так что' (редкий вариант к *ако*; см. № 934 и 581); *оче* 'если' (редкий вариант к *аче*; см. № 705).